

ОТВЕТ БЫЛ ПОЛУЧЕН. ПРИБЫТИЕ НАЧАЛОСЬ

ДО НАС

ТОМ ВТОРОЙ

П Р И Б Ы Т И Е

ЮРИЙ КАРМАЛИТА

КОГДА КОРАБЛЬ ПРОСНУЛСЯ,
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВСТРЕТИЛО СВОЁ БУДУЩЕЕ

Юрий Кармалита

До нас. Прибытие. ТОМ 2

«Автор»

2026

Кармалита Ю.

До нас. Прибытие. ТОМ 2 / Ю. Кармалита — «Автор», 2026

После событий первого тома корабль, найденный под толщей земли в Патагонии, больше не кажется мёртвым артефактом. Он отвечает, закрывает от людей целые сектора и запускает процессы, к которым человечество не готово. Внутри древней машины появляются две человеческие фигуры с золотыми глазами. Одна остаётся на борту, пытаясь спасти корабль. Другая выходит в мир людей и становится свидетелем того, чем стала Земля: страх, власть, новости о войнах — и внезапная способность обычных людей рисковать собой ради незнакомцев. Пока международная комиссия спорит, можно ли доверять кораблю, из глубин космоса приходит ответ. Теперь вопрос уже не в том, кто был здесь до нас. Вопрос в том, готовы ли мы встретить тех, кто наконец прибыл.

© Кармалита Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Кармалита

До нас. Прибытие. ТОМ 2

ТОМ 2

ДО НАС. ПРИБЫТИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗ ПЛОТИ И КРОВИ

Два устойчивых сердечных ритма продолжали идти по экрану: мужской — шестьдесят два, женский — шестьдесят ударов в минуту.

Разница не имела клинического значения, но Сара всё равно следила за линиями отдельно. После краткой аритмии у М-1 новых сбоев не было. Давление в обоих замкнутых контурах выровнялось, температура питательной среды поднялась до тридцати семи градусов, расход органических веществ замедлился.

Из биологического отсека по-прежнему не поступало ни одного изображения.

— Запросите визуальный контроль ещё раз, — сказал Уокер.

София ввела команду через пассивный интерфейс. На экране появилась прежняя строка: ПРОЦЕДУРА ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКРЫТА ДЛЯ ВНЕШНЕГО НАБЛЮДЕНИЯ.

— Мы дали разрешение при условии постоянного контроля, — напомнил Уокер.

— Условие передано, — ответила София.

— Значит, система его нарушила.

После голосования Лауре вернули право отвечать кораблю только в пределах согласованной процедуры, но теперь это право почти ничего не давало. Двери биологического сектора не реагировали ни на её профиль, ни на запросы комиссии.

— Корабль не обещал показать сам процесс, — сказала Лаура. — Возможно, наблюдением он считает передачу жизненных показателей.

— Для меня наблюдение — это возможность видеть, что происходит за дверью.

Сара не отрывалась от графиков.

— Даже если бы мы видели, вмешаться всё равно не смогли бы.

— Зато знали бы, что именно создаётся.

— Два организма человеческого типа. Это всё, что подтверждают данные.

Уокер качнул головой:

— Данные той же системы, которая закрыла изображение.

Эстебан оборвал спор:

— Если мы отвергаем показания корабля, у нас нет ни двух сердец, ни самой процедуры. Если принимаем — формирование продолжается без признаков аварии.

— Без признаков аварии для кого? — спросил Уокер.

Эстебан не стал отвечать.

Внутри корабля, за четырьмя закрытыми переходами и стеной, которую земные приборы считали непрозрачной для любых известных излучений, процесс продолжался без свидетелей.

Два ложемента находились в центре овального помещения. Их прозрачные оболочки уже не были пустыми. В молочно-белой жидкости темнели две неподвижные структуры, ещё не похожие на людей целиком, но уже повторявшие их пропорции.

Формирование началось не с кожи и не с органов. Первой возникла опорная линия позвоночника. В питательной среде появились микроскопические минеральные нити. Они собирались вокруг невидимой оси, сцеплялись, уплотнялись и превращались в пористую ткань. Отдельные позвонки формировались один за другим, сохраняя между собой тонкие прослойки будущих дисков.

Почти одновременно обозначились основания черепов. Сначала это были полупрозрачные дуги. Затем между ними выросли пластины, соединившиеся без швов, но сохранившие сложную внутреннюю структуру человеческой кости. Формировались глазницы, нижние челюсти, основания носовых полостей, височные каналы.

От позвоночника в стороны пошли рёбра. Они не вытягивались из одной точки. Каждое возникало сразу по всей длине как сеть тончайших кристаллических перемычек, после чего сеть заполнялась живой тканью. Грудные клетки становились плотнее, но оставались пустыми.

Дальше появились лопатки, ключицы, тазовые кости. Кости рук и ног собирались в строгой последовательности: плечевые, локтевые, лучевые, бедренные, большеберцовые. В местах будущих суставов минеральная ткань уступала место гладким хрящевым поверхностям. Кисти и стопы формировались последними — десятки мелких костей возникали с точностью, которую невозможно было бы получить механической сборкой.

Скелеты были почти одинакового роста — сто восемьдесят сантиметров. Корабль не увеличивал ни мужчину, ни женщину до размеров древнего экипажа. Он создавал тела, способные пройти среди людей без немедленного внимания.

Но это были не копии двух земных организмов.

В костном мозге начали возникать первые клетки крови. Система проверяла каждую линию, удаляя структуры, которые могли вызвать отторжение, наследственное заболевание или несовместимость с земной средой. Тысячи вариантов исчезали, не успев стать частью тела.

Выбранные клетки размножались, постепенно ускоряя рост.

Вокруг позвоночника протянулись тяжёлые нервные ткани. Они входили в ещё пустые черепа и разветвлялись к будущим конечностям. Внутри костных каналов возникли спинные мозги — не готовые сразу, а складывающиеся из слоёв, проводящих путей и соединений.

В черепах начала расти ткань мозга. Она появлялась одновременно в миллионах точек. Полупрозрачные нити связывались в извилины, разделялись на доли, формировали глубокие структуры, отвечавшие за дыхание, равновесие, зрение и память.

В обоих мозгах уже существовали различия — не анатомические, а информационные.

Сеть мужчины усиливала связи, связанные с пространственной ориентацией, оценкой угрозы и быстрым принятием решений. Сеть женщины развивала более плотные контуры взаимодействия с внутренними системами корабля, распознавания его сигналов и восстановления повреждённых функций.

Это не делало одного сильнее или умнее другого. Они создавались для разных задач.

Над ложементами перемещались тонкие световые полосы. Они не касались формирующихся тел, но в каждой точке изменяли свойства среды: плотность, температуру, химический состав и направление роста клеток.

В грудных клетках начали собираться сердца. Сначала появились четыре полости, разделённые тонкими перегородками. Затем клапаны, мышечные волокна, сосудистые входы. Ткань долго оставалась неподвижной.

Первым сократилось женское сердце. Один слабый толчок прошёл по незавершённому органу, не отправив кровь дальше нескольких миллиметров. Через три секунды последовал второй. Мужское сердце начало работать позже и сразу быстрее. Именно этот момент Сара увидела на экране командного модуля как две первые неровные линии.

Но она не могла знать, что вокруг сердец ещё не было полностью сформированных лёгких, а сосуды заканчивались в пустоте. Корабль создавал систему, проверяя каждый её элемент до соединения со следующим.

От сердец пошли главные артерии. Они разветвлялись вдоль позвоночника, входили в череп, тянулись к рукам и ногам. Рядом формировались вены. Между ними возникала капиллярная сеть — сначала как красноватый туман, затем как бесчисленные тонкие линии.

Кровь заполняла сосуды постепенно.

По основным показателям кровь была человеческой, но сочетание антигенов не укладывалось в привычный профиль одной группы. На поверхности её можно было бы переливать только после расширенной проверки. Внутри созданных тел клетки распознавали её как собственную.

Лёгкие возникали вокруг разветвляющихся бронхов. Миллионы будущих альвеол раскрывались в жидкости, не содержащей воздуха. Они не могли дышать, но уже обменивались растворёнными газами через питательную среду.

Печень, почки, желудок и кишечник формировались одновременно. Ни один орган не проходил детскую стадию. Корабль создавал зрелую ткань, способную немедленно выполнять свою функцию.

Вокруг суставов появились связки. По костям начали нарастать мышцы. Сначала тонкие волокна обозначили шею, спину и грудь. Затем сформировались плечи, руки, живот, бёдра и голени. Мышечная масса мужчины была немного больше, но не настолько, чтобы выделять его среди обычных людей. Женское тело оставалось таким же сильным в расчёте на собственный вес, хотя внешне выглядело легче.

На лицах возникли первые мышцы. Черепа перестали быть безличными каркасами. Формировались губы, щёки, веки. Черты совпадали с изображениями, утверждёнными двумя сознаниями до начала процедуры.

Нос мужчины получил едва заметную неровность переносицы — деталь, которую система сочла естественной. На левом подбородке появилась небольшая впадина. Лицо не должно было выглядеть идеальным или созданным.

У женщины линия скул была мягче, чем на первых моделях. Правую бровь корабль сделал немного выше левой. При спокойном выражении это придавало лицу постоянную сосредоточенность.

Ни одна особенность не была случайной: безупречно правильные люди запоминались, а эти должны были казаться настоящими.

В командном модуле мужской ритм снова ускорился.

Сара проверила показатели.

— Семьдесят четыре.

— Опасно? — спросил Эстебан.

— Пока нет. Мы не знаем реальной нагрузки на формирующийся организм.

— Женский?

— Шестьдесят восемь. Давление у обоих стабильное.

Уокер сверился со временем.

— С момента стабилизации сердечных ритмов прошло сорок три минуты.

— Для завершения взрослого тела это немного, — сказал Марк.

— Для появления двух неизвестных внутри закрытого объекта — достаточно.

У верхнего шлюза уже стояли двенадцать сотрудников охраны. Ибарра разрешил усилить посты, но запретил демонстративно направлять оружие на двери корабля без прямой угрозы. Внутренним постам выдали нелетальные средства, пластиковые стяжки и щиты; огнестрельное оставалось в кобурах.

Лаура представляла, как эта встреча будет выглядеть для того, кто выйдет первым.

— Уберите людей из коридора верхнего шлюза.

— Нет, — ответил Уокер.

— Двенадцать вооружённых людей у выхода выглядят как ловушка.

— Это единственный известный нам выход.

— Именно поэтому.

Эстебан вмешался:

— Оставьте двоих наблюдателей и закройте внешние ворота. Толпа в коридоре только повысит риск.

— Если у М-1 подготовлен маршрут, двое его не остановят.

— Двенадцать тоже не остановят, если корабль откроет другой путь, — сказал Эстебан. Уокер вернулся к схеме.

— Посты остаются.

В биологическом отсеке система завершала тела, не учитывая этот спор или учитывая его полностью.

Поверх мышц появилась соединительная ткань. Она заполнила промежутки, закрепила органы и отделила внутренние полости. По ней прошли лимфатические сосуды. В коже начали формироваться рецепторы температуры, давления и боли.

Кожа возникала не единым слоем. Сначала поверхность тел покрылась тонкой прозрачной плёнкой. Под ней появились сосуды, потовые железы, волосные фолликулы. Плёнка становилась плотнее, приобретала человеческий оттенок и переставала пропускать свет.

Мужская кожа была немного темнее. Женская — светлее, но обе соответствовали происхождению, которое корабль выбрал для их будущих земных биографий.

На головах начали расти волосы. Не постепенно, как у человека, а сразу по всей заданной длине. У мужчины они были тёмными и короткими. У женщины — тёмно-каштановыми, чуть ниже плеч. Волосы лежали в жидкости, повторяя её едва заметное движение.

Появились ногти, линии на ладонях, отпечатки пальцев. Корабль не использовал случайный рисунок. Каждый отпечаток проверялся по доступным земным базам, чтобы не совпасть с реальным человеком. Потом структура закреплялась в коже и больше не менялась.

Последними формировались глаза. В глазницах уже находились зрительные нервы и мышцы. Прозрачные сферы заполнялись жидкостью, возникали хрусталики, сетчатки и сосудистые оболочки. Радужки долго оставались бесцветными.

Корабль снова проверил варианты, которые оба сознания отвергли до создания тел: карий, серый, голубой, зелёный, янтарный. Ни один не появился.

Вокруг чёрных зрачков начали расти тонкие золотые волокна.

Они расходились от центра неравномерно, образуя рисунок, похожий на свет, запёртый в металле. Между волокнами оставались более тёмные участки, поэтому глаза не светились сами. Но любой падающий луч перемещался по радужке необычным образом, будто проходил под её поверхностью.

Золотой цвет был одинаковым у мужчины и женщины — признак происхождения и подтверждение личности, который они сохранили по собственному выбору.

Веки закрыли глаза до завершения нервной интеграции.

Система перешла к последней части процесса. Две адаптированные структуры памяти, всё это время находившиеся в корабельной сети, начали соединяться с биологическими мозгами. Это не было копированием информации в пустой носитель.

Оба сознания уже принимали решения, оценивали варианты, выбирали лица и отказывались от предложенных вариантов. Теперь корабль должен был сохранить непрерывность между существованием без тел и первым ощущением плоти.

Нейронные связи загорались волнами. Сначала активировались участки, отвечавшие за дыхание и сердечный ритм. Затем — слух, зрение, равновесие, движение. После них включались языковые структуры.

Испанский, английский, русский, французский, китайский — десятки других систем речи связывались не с переводчиком, а с мышцами языка, гортани и губ.

Память о Земле входила в мозг вместе с ощущениями, которых раньше не существовало. Они знали вкус кофе, хотя никогда его не пробовали. Знали холод дождя, хотя кожа ещё не

касалась воздуха. Знали, как выглядит человеческая улыбка изнутри лица, но ни разу не улыбались. Знали боль как понятие и набор реакций, но ещё не испытывали её.

Вместе с земными знаниями сохранялась другая память. Не изображения далёкого мира и не подробности путешествия, которые люди могли бы сразу извлечь вопросами. Глубже находились структуры, определявшие их принадлежность, цели и пределы допустимого.

Подготовить прибытие. Восстановить корабль. Оценить внешнюю среду. Не причинять прямого вреда без угрозы жизни. Не раскрывать присутствие раньше установленного момента. Сохранить возможность выбора.

Женщина получила доступ к повреждённым системам корабля. В её памяти находилась схема узла, который древний экипаж не смог восстановить после катастрофы. Люди ещё не знали ни его назначения, ни местоположения.

Мужчина получил маршрут к поверхности и дальше — за пределы раскопа. Он видел его не как карту на экране, а как последовательность реальных действий: переход, подъёмник, смена охраны, транспорт, дорога, Буэнос-Айрес.

Их задачи различались. Их решение о прибытии должно было быть общим.

В командном модуле оба графика исчезли одновременно.

Сара выпрямилась.

— Потеря сигнала.

— Сердца остановились? — спросил Уокер.

— Нет подтверждения. Исчез весь медицинский канал.

Орлов проверил питание.

— Оптическая линия работает. Передачу прекратил сам корабль.

— Запрос состояния, — приказал Эстебан.

София отправила вопрос, но система не ответила. На карте биологического сектора погасли последние показатели; остались закрытые маршруты и два обозначения — М-1 и Ж-1.

— Процедура завершена? — спросила Лаура.

София повторила запрос другой формулировкой. Канал остался пустым.

Уокер связался с верхним шлюзом:

— Проверять документы и биометрию. Никого не выпускать без двойного подтверждения. Особое внимание — тем, кого нет в бумажном журнале.

— Вы думаете, они уже вышли? — спросил Марк.

— Я думаю, мы больше не видим их состояние.

— Это не одно и то же.

— Для безопасности разница невелика.

Лаура сверилась с часами.

— Если органы были готовы, пробуждение ещё возможно. Но начать двигаться за несколько секунд?

Сара покачала головой:

— Мы не знаем скорости их нервной адаптации. Исключать этого нельзя.

Уокер передал новый приказ:

— Заблокировать Вертикальную дорогу на уровне биологического сектора.

— Мы не управляем её маршрутами напрямую, — напомнил Орлов.

— Тогда перекройте земной привод резервной шахты и поставьте людей у всех известных выходов.

Несколько часов комиссия обсуждала права двух сознаний без тел. Теперь, когда сигналы исчезли, разговор снова сводился к тому, как их задержать.

За закрытой дверью биологического отсека женщина открыла глаза.

Первым ощущением был свет. Не изображение света и не данные о его спектре. Свет проник через зрачок, ударил по сетчатке и превратился в физическое чувство — непривычно яркое, лишённое привычной дистанции.

Золотая радужка сузилась вокруг зрачка. Через долю секунды зрение адаптировалось. Она увидела внутреннюю поверхность прозрачного ложемент, жидкость, собственные руки и тёмный силуэт второго тела рядом.

Затем пришло ощущение веса. Кожа касалась опоры. Волосы лежали на плечах. Сердце толкало кровь с такой силой, что каждый удар ощущался во всём теле.

Она знала, что это нормально. Знание не уменьшало странности.

Женщина попыталась пошевелить пальцами. Первая команда дошла с задержкой. Кисть дрогнула, два пальца согнулись сильнее, чем требовалось. Нервная система немедленно скорректировала движение. Она повторила. На этот раз пальцы послушались точно.

Рядом открыл глаза мужчина.

Он не двигался несколько секунд, проверяя зрение, слух и внутреннее равновесие. Его сердце работало быстрее. Дыхательный центр уже готовился к переходу на воздух, хотя лёгкие всё ещё получали кислород из жидкости.

Они встретились взглядами через прозрачные стенки. В золотых глазах мужчины она увидела собственное отражение. Признание произошло без слов. Оба сохранили непрерывность. Оба помнили выбор. Оба знали, что люди разрешили их создание и одновременно подготавливались к задержанию.

Над ложементами возникли два знака. **ПЕРЕХОД К ВОЗДУШНОМУ ДЫХАНИЮ.**

Жидкость начала уходить через отверстия в основании аппаратов.

Уровень опускался постепенно. Сначала открылись лица, затем плечи и грудь. Кожа впервые соприкоснулась с воздухом и покрылась мелкими каплями.

Женщина вдохнула раньше, чем нужно.

В лёгкие попало небольшое количество жидкости. Тело отреагировало раньше сознательной команды: она резко кашлянула, согнулась и прижала ладонь к прозрачной стенке.

Боль обожгла грудь. Новая. Короткая. Настоящая.

Она сделала второй вдох уже правильно.

Воздух оказался холоднее питательной среды и суше, чем предполагала память. Он прошёл через носовые полости, гортань, трахею и раскрыл лёгкие изнутри.

Мужчина дождался, пока жидкость опустится ниже подбородка. Его первый вдох был ровнее, но через секунду дыхание ускорилося. Мозг сравнивал реальное ощущение с подготовленной моделью и устранял различия.

Когда резервуары опустели, прозрачные оболочки разошлись в стороны.

Женщина села первой. Мышцы живота и спины выдержали движение, но равновесие оказалось другим, чем в виртуальной модели. Она задержалась на краю ложемент, поставила ступни на тёплый пол и почувствовала его текстуру.

Мужчина поднялся почти одновременно. Он перенёс вес на ноги раньше, чем тело успело подстроиться. Колени дрогнули, ладонь ударила о край аппарата.

Кожа на основании большого пальца рассеклась. Из короткой царапины выступила кровь.

Он изучил царапину с вниманием, которое человек уделил бы сложному прибору. Боль уже присутствовала, но не вызывала страха.

Ткань вокруг повреждения начала свёртывать кровь обычным человеческим способом. Никакого мгновенного восстановления не произошло.

Тело было земным не только внешне: его можно было ранить, оно могло устать и умереть.

Женщина встала. Первые секунды она удерживала равновесие, слегка расставив ноги. Потом выпрямилась полностью. Рост — сто восемьдесят сантиметров.

Мужчина поднялся рядом. Они впервые стояли на собственных ногах. Ни один человек этого не видел.

На стене открылись две узкие ниши.

Корабль подготовил одежду ещё до формирования тел. Во время наблюдения через Зеркало он изучил не только внешний вид вещей, но и их структуру: переплетение волокон, свойства швов, плотность подошв, металлические застёжки, земные размеры и следы естественного износа.

Внутри первой ниши лежала одежда для мужчины: тёмно-серые рабочие брюки, чёрная футболка без надписей, лёгкая куртка с карманами, ботинки, похожие на те, которые носили технические сотрудники раскопа, ремень и тёмные очки.

Ни на одной вещи не было эмблемы комиссии или компании. Подделывать конкретную форму корабль не стал. Комплект выглядел достаточно обычным, чтобы не привлекать внимания, и достаточно практичным для пути через раскоп.

Во второй нише находилась одежда женщины: тёмные брюки из материала, внешне напоминавшего плотную земную ткань, серая рубашка с длинными рукавами, короткая куртка без застёжек и опознавательных знаков, мягкие ботинки с тонкой подошвой.

Одежда не копировала униформу людей. Она позволяла двигаться по кораблю, работать в узких технических пространствах и при необходимости появиться перед человеком, не выглядя существом из иного мира.

Материал обоих комплектов был создан из земных химических соединений. При лабораторном анализе он показал бы необычную чистоту и почти полное отсутствие следов производства, но не содержал ничего, что невозможно встретить на Земле.

Рядом лежали полотна, впитавшие остатки жидкости с кожи. Они вытерлись и начали одеваться.

Движения поначалу оставались намеренно точными. Каждая пуговица, шов и изгиб обуви требовали сопоставления знания с реальным телом. Через несколько минут движения стали естественнее.

Мужчина застегнул ремень и надел куртку. Затем взял очки, но не сразу закрыл ими глаза.

Женщина перевела взгляд на него.

— Ты оставил признак, — сказала она на языке их цивилизации.

Голос прозвучал ниже, чем в моделях корабля. Гортань, грудная клетка и воздух добавили оттенки, которых не было в синтетических проверках.

Мужчина коснулся оправы.

— Ты тоже.

— Мне не нужно скрывать его внутри.

— Тебе придётся скрываться от наблюдения.

— Не от каждого взгляда.

Он надел очки. Золотой цвет исчез за тёмными линзами.

Потом произнёс по-испански: — Дыхание устойчиво. Двигательная координация достаточно.

Она ответила на том же языке: — Голос соответствует.

Произношение обоих было безупречным. Не аргентинским до полной неразличимости, но достаточно близким, чтобы человек объяснил небольшую особенность другим регионом или воспитанием.

На стене появилась карта корабля. У выхода из биологического сектора два маршрута расходились.

Женский уходил в глубину объекта, к уровням, отсутствовавшим на земных схемах, и заканчивался у повреждённого узла перемещения. Мужской поднимался к Вертикальной

дороге, обходил известные посты и выводил к технической зоне раскопа; дальше следовала цепочка: дорога, транспорт, населённый пункт, Буэнос-Айрес.

Мужчине не требовалось долго изучать маршрут — он уже хранился в памяти.

Женщина перевела внимание на условные изображения командного модуля. Корабль передал ей решения людей: спор, голосование, разрешение Лауры, вооружённые посты, попытки вернуть наблюдение.

— Они боятся результата, который сами разрешили, — сказал мужчина.

— Они не знали, что увидят после разрешения.

— Они ничего не увидели.

— Поэтому боятся ещё больше.

— Страх не объясняет оружие.

— Объясняет. Не оправдывает.

— Ты уже защищаешь их.

— Я различаю причину и решение.

— Их решение — вооружиться.

— Другим решением было позволить нам появиться.

Мужчина на мгновение задержался у закрытых дверей.

— Восемь голосов из двенадцати.

— Достаточно, чтобы мы стояли здесь.

— Недостаточно, чтобы считать среду безопасной.

— Поэтому ты выходишь.

Возражать он не стал.

В командном модуле прошло шесть минут с момента потери сигналов. Энергопотребление биологического сектора снижалось.

— Процесс заканчивается, — сказала Сара.

— Или перешёл в режим, который мы не регистрируем, — возразил Уокер.

Лаура указала на пустую карту:

— Если бы корабль хотел полностью скрыть их существование, он не показывал бы сердца.

— Он показал ровно столько, чтобы мы ждали выхода. А маршрут М-1 уже проложен до Буэнос-Айреса.

— Маршрут не равен приказу.

— Но вместе с готовой биографией и задачей это больше, чем случайность.

София подняла голову от переводческих таблиц.

— Новый статус.

На экране появилась строка:

НЕЗАВИСИМАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА.

— Оба? — спросила Сара.

После уточняющего запроса система ответила:

ДВА НОСИТЕЛЯ.

— Они живы, — сказала Лаура.

Уокер немедленно связался с постами:

— Визуально подтвердить каждого. Очки снимать на контрольной точке.

— На раскопе около ста человек в защитных очках, — напомнил Марк.

— Значит, проверят сто.

— После утечки половина персонала уже ищет среди себя чужого. Так вы только усилите панику.

— Я отвечаю за то, чтобы неизвестный не прошёл через пост незамеченным.

Лаура вспомнила строки, которые система вывела после ложной фразы: наблюдение продолжается. Возможно, отдельной проверки больше и не требовалось — люди сами продолжали наблюдение своими действиями.

В биологическом отсеке мужчина остановился перед отражающей полосой у двери. Человек в зеркале выглядел естественно: тёмные волосы, спокойное лицо, неприметная куртка. Он снял очки, и золотые радужки сразу нарушили сходство. Через несколько секунд линзы снова скрыли их; в отражении остался незнакомец, которого человеческая память легко потеряла бы в толпе.

На соседней полосе женщина увидела себя без необходимости прятать глаза. Лицо больше не было моделью на экране: кожа имела поры, на влажных волосах оставались капли, дыхание поднимало грудь. Она коснулась отражения кончиками пальцев; стена оказалась холодной.

— Тело соответствует выбору? — спросил мужчина.

— Оно отличается от знания о нём.

— Ошибка?

— Нет. Наличие.

До создания они знали форму, движения и физиологию. Теперь каждое знание обрело вес, сопротивление и предел.

— Твоя внешняя личность окончательна? — спросила женщина.

— Она не будет показана тебе полностью.

— Правильно.

— Ты не должна знать имя?

— Если меня заставят выдать тебя, отсутствие знания сохранит маршрут.

— Если тебя заставят говорить, маршрут уже будет раскрыт.

— Не обязательно.

Он принял это без дальнейших вопросов. Разделение информации было частью миссии даже между ними.

Корабль открыл дверь. За ней лежал пустой коридор, по полу расходились две белые линии: одна светилась ровно, другая пульсировала в ритме внутренней транспортной системы.

Женщина вышла первой. Её шаги были почти бесшумными не из-за особых свойств тела, а благодаря мягкой подошве и заранее усвоенной моторике. Мужчина последовал за ней.

Через несколько метров они остановились у развилки. Дальше им предстояло идти отдельно.

— Контакт с представителем Л-1? — спросил он.

— После восстановления первого узла или при прямой угрозе.

— Она может увидеть тебя раньше.

— Тогда решу по обстоятельствам.

— Люди ограничили её доступ.

— Корабль — нет.

— Это создаст конфликт.

— Конфликт уже существует.

— Если корабль будет готов к перемещению раньше моей оценки?

— Он не поднимется без общего решения.

— Нашего?

— Нашего и тех, кто прибудет.

— Людей не спросят?

Женщина помедлила.

— Их действия войдут в решение.

Мужчина повернул к Вертикальной дороге, женщина — в глубину корабля. Через несколько шагов свет между ними погас, и маршруты исчезли друг для друга.

В командном модуле впервые за ночь открылся один из внутренних каналов. На экране появилась схема биологического отсека: оба ложементы были пусты.

— Цикл завершён, — сказала Сара.

— Где носители? — спросил Уокер.

София отправила запрос. Система ответила:

НЕЗАВИСИМОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ НАЧАТО.

Уокер потребовал маршруты, но вместо ответа на схеме на секунду появились две короткие линии: одна уходила внутрь корабля, другая — к транспортному узлу. Затем обе погасли.

— Они уже покинули ложементы, — сказала Сара.

Уокер вызвал верхний шлюз:

— Закрыть земные двери. Никого не пропускать между уровнями.

— Корабельные переходы мы всё равно не перекроем, — напомнил Орлов.

— Закрывайте то, что можем.

Лаура подошла к экрану.

— Не отправляйте внутрь вооружённую группу.

— Двое неизвестных перемещаются по объекту.

— Один должен восстановить корабль, второй — изучить внешний мир. Пока это задачи, а не нападение.

— Вы знаете их задачи только из сообщений системы.

— А угрозу вы выводите только из предположений.

Уокер выдержал паузу.

— Если мужчина выйдет за периметр, мы можем его больше не найти.

— Тогда тем более не превращайте первый контакт в охоту.

— Это ещё не контакт.

— Для них — уже да.

На экране снова появились пустые ложементы. В каждом оставалось немного прозрачной жидкости; возле одного система успела отметить несколько влажных следов, после чего изображение исчезло.

Лица не попали ни в один земной канал. Команда не увидела, как они открыли глаза, сделали первые вдохи, как мужчина рассёк ладонь и как женщина впервые коснулась собственного отражения.

Люди знали только результат: два организма были созданы, оба стояли на ногах и уже двигались по кораблю. Ни один не находился там, где его ожидали.

Внутри Вертикальной дороги мужчина вошёл в световой контур. Кораблю не требовался земной допуск: он распознал структуру сознания, переданную сигналом.

Пол исчез под ногами без ощущения падения. На мгновение перед мужчиной возникла карта раскопа с вооружёнными постами и закрытыми дверями. Система предложила три маршрута.

Первый проходил через верхний шлюз, где его ждали. Второй — через резервную шахту, перекрытую людьми. Третий отсутствовал на земных схемах.

Мужчина выбрал третий.

В глубине корабля женщина подошла к стене, за которой находился повреждённый узел. Для людей это место выглядело бы обычным продолжением коридора; для неё поверхность раскрылась слоями — силовые линии, контуры управления, древний разрыв и смещение, сохранившееся после катастрофы.

Она положила ладонь на металл. Корабль ответил не голосом: по коже прошла слабая вибрация, и в памяти возникла полная схема повреждения.

Женщина закрыла золотые глаза. Ремонт потребует времени, но впервые за шестьдесят пять миллионов лет рядом с неисправностью находился тот, кто знал, как к ней подступиться.

На верхних уровнях мужчина двигался к выходу, которого люди ещё не обнаружили. В глубине корабля женщина начинала возвращать системе перемещения функцию, утраченную после древней катастрофы.

Они появились лишь несколько минут назад, но их миссия уже началась.

ГЛАВА ВТОРАЯ ТРЕТИЙ ВЫХОД

В три часа двадцать одну минуту корабль погасил последний показатель биологического сектора.

На карте остались два обозначения — М-1 и Ж-1. Несколько секунд они сохранялись возле закрытого отсека, затем одновременно сдвинулись.

— Они идут, — сказала София.

Уокер уже держал связь с верхними постами.

— Направления?

София увеличила схему. Мужская метка двигалась к Вертикальной дороге. Женская уходила в противоположную сторону, к уровням, которых не было на составленной людьми карте.

— Ж-1 уходит вглубь корабля, — сказала она. — М-1 поднимается.

— Заблокировать все известные выходы. Визуальная проверка каждого человека. Никого не выпускать с внутренней площадки.

В наушнике Уокера один за другим отчитались посты у главного шлюза, резервной шахты и технического подъёмника. У всех известных выходов уже стояли вооружённые сотрудники. На поверхности включили дополнительные прожекторы, внутренний транспорт остановили до отдельного распоряжения.

Лаура следила за метками. Женская исчезла первой: дошла до гладкой линии, обозначающей границу исследованной части, и пропала за ней — без остановки, без всплеска энергии, без видимого прохода.

— Верните предыдущий слой карты, — потребовал Уокер.

София переключила режимы. За линией не было ни коридора, ни помещения, ни энергетического контура.

— Там сплошная внутренняя структура, — сказал Орлов.

— По нашей карте, — уточнила Лаура.

— По всем измерениям, которые корабль позволил провести.

Уокер указал на вторую метку.

— Мужчина?

М-1 продолжал подниматься. Направление вело к Вертикальной дороге, но маршрут не совпадал ни с одним известным. Метка обходила транспортные узлы и участки, где находились люди.

— Корабль ведёт его между уровнями, — сказал Накамура. — Постоянного коридора там нет. По крайней мере, раньше мы его не видели.

— Отслеживайте до выхода.

— Я отслеживаю то, что система сама показывает.

Метка поднялась ещё на два уровня и остановилась.

На поверхности раскопа погас свет.

Отключение длилось меньше секунды, но рабочие прожекторы, освещение переходов и белые линии вдоль временных дорог успели погаснуть. Следом отключились экраны командного модуля, замерла вентиляция, радиосвязь оборвалась на середине приказа Уокера.

Красные аварийные лампы включились через две секунды.

В красном аварийном свете лица стали резче, тени легли поперёк стен. Экраны перешли на автономное питание. На главной карте М-1 исчез.

— Резервные генераторы работают, — сообщил Орлов. — Потерян только внешний контур.

— Причина?

— Нагрузка возникла на линии, которая, по нашей схеме, вообще не связана с кораблём. Уокер восстановил связь с постами.

— Докладывайте по секторам.

Ответы приходили с задержками: главный шлюз закрыт, резервная шахта заблокирована, технический подъёмник стоит на поверхности с пустой кабиной. На внешнем периметре нарушений не обнаружено.

Затем в эфире появился ещё один голос:

— Пост семь. Неизвестный мужчина на внутренней площадке.

Уокер открыл схему поверхности.

— Где именно?

— Возле второго технического подъёмника. Одежда рабочего персонала. Пропуск предъявить не успел.

— Не приближаться в одиночку. Перекрыть сектор. Описание лица.

В ответ сначала послышался треск.

— Обычное лицо. Тёмные волосы. Рост около метра восьмидесяти. На нём очки.

Уокер коротко взглянул на Эмили.

— Это он.

— Снимите очки и задержите, — приказал он в микрофон. — Оружие не применять без прямой угрозы.

На седьмом посту сержант Мартин Рохас стоял между кабельным контейнером и ограждением технической зоны. Красный свет аварийной мачты делал жёлтую пыль похожей на тёмную ржавчину. За ограждением высилась конструкция подъёмника, остановленного после отключения.

Незнакомец находился в нескольких шагах от него.

Незнакомец не выглядел растерянным. Тёмно-серые рабочие брюки, чёрная футболка, лёгкая куртка. Ботинки покрывал тонкий слой пыли, будто он уже прошёл по площадке несколько десятков метров. Тёмные очки ночью казались странными, но на раскопе защитные линзы носили и после заката — из-за прожекторов и взвеси в воздухе.

Рохас поднял фонарь.

— Стойте. Из какой вы смены?

Мужчина понял каждое слово без задержки.

В памяти сразу возникли десятки подходящих ответов: техническая группа, внеплановый вызов, ошибка в списке. Но наиболее естественным казались короткая фраза и лёгкое раздражение из-за проверки.

Он выбрал этот вариант.

— Из ночной.

— Ночная смена ещё не спустилась.

— Мне изменили маршрут.

Испанский был безупречным, с аргентинским произношением, но без заметного акцента какой-либо провинции.

— Кто изменил?

— Центральное управление.

— Имя руководителя.

Мужчина назвал фамилию начальника технической службы. Ему были известны должность, расписание и содержание последних трёх приказов — в том числе то, что сам начальник сейчас находился у главного шлюза и не мог быстро подтвердить ни один из них.

Рохас протянул руку.

— Пропуск.

Мужчина вынул карточку из внутреннего кармана куртки.

Она была изготовлена из тех же полимеров, что земные удостоверения раскопа. Магнитная полоса, защитный рисунок и микропечать соответствовали образцам. На лицевой стороне находилась фотография человека, стоявшего перед Рохасом.

ДАНИЭЛЬ РИОС.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ.

ВРЕМЕННЫЙ ДОПУСК.

Рохас приблизил карточку к фонарю.

— Я вас раньше не видел.

— Я вас тоже.

Ответ прозвучал почти зеркально — слишком выверенно для случайной реплики.

Рохас поднял глаза.

— Снимите очки.

Мужчина снял их без возражений.

Под красным аварийным светом золотые радужки потеряли металлический оттенок и казались тёмно-медными, почти карими. Рохас задержал луч на лице, но не увидел ничего, что совпадало бы с предупреждением о необычном цвете глаз.

— Ещё раз назовите подразделение.

На другом конце внутренней площадки сработала тревога.

Резкий сигнал прошёл по аварийным динамикам. Над резервной шахтой вспыхнул синий маяк. В эфире заговорили сразу несколько человек: датчики показывали падение давления в подземной линии, рядом с которой находились трое инженеров.

Рохас инстинктивно повернул голову.

— Пост семь, оставайтесь с неизвестным, — прозвучал приказ Уокера.

Сержант обернулся обратно.

Между контейнером и ограждением никого не было.

Рохас шагнул вперёд. За контейнером пространство упиралось в сетчатый забор; справа лежали свёрнутые кабели, слева стояла неподвижная платформа. Перебежать открытую площадку за эти секунды мужчина не успел бы.

На пыли, однако, оставались следы.

Они шли к узкому проходу между платформой и штабелем металлических секций. Красный свет туда не доставал.

— Пост семь. Объект ушёл в западный технический коридор. Повторяю: неизвестный ушёл.

— Преследовать, не приближаясь. Группа уже направлена к вам.

Рохас вошёл в проход.

За металлическими секциями обнаружилась открытая дверца служебного контейнера. Внутри висели защитные жилеты, каски и пылевые маски. Одного жилета не хватало; на полу лежали тёмные очки.

Рохас поднял очки за дужку.

На линзе остался отпечаток пальца.

В командном модуле Уокер приказал закрыть весь внутренний периметр.

— Остановить транспорт. Проверить контейнеры, машины, вентиляционные тоннели. Все сотрудники остаются на местах до визуального подтверждения.

— Авария у резервной шахты? — спросил Эстебан.

Орлов сверил показания.

— Никакой разгерметизации нет. Датчики создали сигнал, но давление не менялось.

— Отвлекающий манёвр, — сказал Уокер.

— Его создал корабль?

— Или тот, кто вышел из него.

— У мужчины нет оборудования.

— Вы не знаете, что у него есть.

На месте метки М-1 на схеме осталось пустое поле.

— У него есть корабль.

Уокер связался с Ибаррой. Министр ответил почти сразу. За его спиной горел свет кабинета; Буэнос-Айрес ещё был тёмным.

— Подтверждено появление? — спросил он.

— Один охранник видел мужчину. Карточка на имя Даниэля Риоса. По росту и одежде совпадает с предполагаемым профилем М-1. В аварийном свете глаза выглядели обычными.

— Карточка осталась у охранника?

— Нет. Мужчина забрал её.

— Запись камер?

Эмили вывела записи с седьмого поста. До отключения камера показывала пустую площадку. После перехода на резервное питание в кадре появился Рохас, разговаривающий с человеком за границей обзора. Незнакомый всё время оставался в узкой полосе, закрытой кабельным контейнером.

— Он выбрал единственную слепую точку, — сказала она.

— Скорее корабль выбрал, — возразил Уокер. — Он появился именно там, где камера не могла его увидеть.

Ибарра отдал распоряжение:

— Закрыть внешний периметр. Провинциальную полицию предупредить, прессу — нет. Описание ограничить: мужчина около тридцати пяти лет, рост сто восемьдесят, тёмные волосы, рабочая одежда. Имя пока не использовать.

— Без имени мы не сможем проверить базы.

— Проверяйте внутри закрытой группы. Стоит имени попасть в открытые каналы — через час половина страны будет искать каждого Даниэля Риоса.

— Он может уже двигаться к выходу.

— Поэтому действуйте быстрее и без стрельбы.

Уокер отключил связь.

— Открыть биологический сектор, — сказал он Софии.

— Я пытаюсь с момента исчезновения показателей.

— Используйте Л-1.

Все посмотрели на Лауру.

Ограничение Л-1 формально продолжало действовать: любой прямой контакт Лауры с кораблём требовал согласования группы. Теперь именно её профиль оставался единственным доступным способом попросить систему открыть закрытую дверь.

— Разрешение? — спросила Лаура.

Уокер выдержал короткую паузу.

— Получено.

Группа спустилась к биологическому уровню через Вертикальную дорогу. Кабина двигалась быстрее обычного, но остановилась на два коридора раньше главного входа в сектор.

Дальше пришлось идти пешком.

Впереди находились Уокер и двое сотрудников безопасности. За ними — София, Сара, Эстебан и Лаура. Орлов остался в командном модуле контролировать энергосистемы.

Дверь биологического отсека была закрыта. На ней не отображалось ни одного знака.

Лаура подошла к стене, но не коснулась её.

— Формирование завершено. Мы просим открыть доступ для медицинской проверки.

Дверь осталась неподвижной.

— Они уже покинули сектор, — сказала Сара. — Проверка нужна не им. Нам нужно подтвердить, что процесс не оставил опасных материалов.

София перевела просьбу в структуру корабля.

На двери появилась строка:

НЕЗАВИСИМЫЕ НОСИТЕЛИ НЕ ТРЕБУЮТ МЕДИЦИНСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ.

— Мы не просим сопровождения, — сказал Уокер. — Мы требуем доступ.

Корабль не ответил.

Лаура приблизила ладонь к поверхности.

— Мы дали разрешение на их создание. Но не разрешали скрывать результат.

Линия света прошла под её пальцами, не касаясь кожи.

Появился ответ:

РАЗРЕШЕНИЕ НА СОЗДАНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРАВОМ ВЛАДЕНИЯ.

Уокер перечитал перевод.

— Он говорит о них как о независимых людях.

— Именно это комиссия признала перед голосованием, — напомнил Эстебан.

— Комиссия признала два сознания субъектами рассмотрения. Она не разрешала им покидать охраняемый объект.

— Они не подписывали правила раскопа.

— Они находятся на территории Аргентины.

Лаура снова прочла строку.

Корабль довёл человеческое решение до его буквального смысла. Комиссия разрешила двум личностям получить тела, потому что отказ означал бы уничтожение сознаний. Теперь те же люди пытались обращаться с ними как с результатом эксперимента.

— Откройте дверь, — сказала она. — Не для задержания. Чтобы мы убедились, что никто не пострадал.

Строка исчезла.

Через несколько секунд створки разошлись.

Внутри биологического сектора не было движения.

Свет над двумя ложементами горел ровно. Прозрачные оболочки оставались открытыми; в каждом аппарате сохранился тонкий слой жидкости, отражавший потолочные линии.

Сара вошла первой после проверки воздуха.

— Биологических аэрозолей выше нормы нет. Температура стабильна.

Уокер направил сотрудников к противоположным выходам, хотя на человеческой схеме у сектора была только одна дверь.

Лаура остановилась у ложементов.

На внутренней поверхности первого аппарата оставался след ладони. У края Сара заметила тёмную точку и взяла образец.

Она взяла образец.

— Кровь.

— Чья? — спросил Уокер.

— Предположительно мужского носителя. Рядом повреждение покрытия — похоже, он опёрся рукой и рассёк кожу.

— Значит, они уязвимы.

Сара сразу поправила его:

— Это значит лишь, что у него работает человеческая система свёртывания крови. Остальное покажет анализ.

На полу оставались влажные отпечатки ступней. Две цепочки вели к пустым нишам в стене; дальше начинались следы обуви.

Женские следы поворачивали налево, мужские — направо.

Они пошли по следам.

Через двадцать метров женская цепочка упёрлась в гладкую стену. Следы подходили к ней вплотную и обрывались.

Уокер проверил поверхность ручным сканером.

— Пустот нет.

— Она прошла сквозь дверь, которую корабль не показывает, — сказала София.

— Или следы созданы, чтобы мы так подумали.

Лаура присела у последнего отпечатка. Пыль была смещена наружу, как при шаге вперёд: женщина подошла к стене, а не развернулась перед ней.

— Она находится внутри неизвестной части корабля.

— Весь корабль для нас остаётся неизвестным, — ответил Уокер. — А теперь внутри него находится человек, которому система открывает то, чего не открывала нам.

Мужские следы привели к Вертикальной дороге. На этом участке отпечатки стали менее заметными, а затем исчезли в световом контуре.

София запросила историю маршрутов.

Система показала два известных выхода, оба заблокированные людьми. Третьей линии не было.

— Но он вышел, — сказал Эстебан.

Накамура, подключённый по внутренней связи, наложил данные энергопотребления на структуру корпуса.

— Во время отключения возник импульс в верхней боковой части объекта. На земной карте там сплошная обшивка.

— Координаты, — потребовал Уокер.

Схема вывела точку под западной технической зоной раскопа — примерно в пятидесяти метрах от места, где Рохас увидел мужчину.

Уокер понял первым.

— Третий выход.

Люди привыкли считать известными все проходы: главный шлюз и найденную позднее резервную шахту. Но трёхкилометровый корпус строили для экипажа, роботов, грузов и ремонта — у него не было причин ограничиваться двумя маршрутами, которые случайно обнаружили люди.

— Отправьте группу к координатам, — приказал он.

К тому времени мужчина уже покинул внутреннюю площадку.

Он прошёл между контейнерами к зоне хранения оборудования. На нём уже были светоотражающий жилет из служебного контейнера, белая каска и пылевая маска. Очки он оставил намеренно: после разговора с Рохасом они превратились в примету.

В кармане лежала карточка Даниэля Риоса.

Личность Даниэля Риоса не была украдена у реального человека. Система собрала биографию из промежутков между земными базами: ребёнок, зарегистрированный в небольшом муниципалитете; школа, архив которой сгорел; техническое образование в учреждении, несколько раз менявшем систему учёта; работа у подрядчиков, давно прекративших существование.

Каждая запись по отдельности выглядела правдоподобно; вместе они складывались в жизнь, которой никогда не было.

Абсолютно непротиворечивой такая биография быть не могла, но для первой проверки этого не требовалось. Прошлого незнакомого технического работника редко изучали глубже, чем позволял экран перед проверяющим.

У выезда из внутренней зоны стоял служебный микроавтобус. Водитель спорил с диспетчером по аварийной рации. Из-за остановки освещения ночную группу решили вернуть в логистический лагерь, а дневную не впускать до восстановления контроля.

Мужчина подошёл к задней двери вместе с тремя электриками.

Водитель указал на список.

— Фамилия?

— Риос.

— Какой Риос?

— Даниэль.

Водитель провёл пальцем по бумаге. Имя стояло между двумя сотрудниками подрядной организации. Запись появилась в файле до отключения сети и успела попасть в распечатанный список пересменки.

— Подразделение?

— Контрольно-измерительная группа.

— У нас сегодня нет контрольно-измерительной группы.

Мужчина перебрал возможные ответы. Подробности вызвали бы новые вопросы; раздражение выглядело бы естественно, но лучше запоминалось.

Он остановился на усталости.

— Поэтому меня и возвращают.

Один из электриков усмехнулся.

— Добро пожаловать на раскоп. Здесь сначала вызывают, потом выясняют зачем.

Водитель поставил отметку.

— Садитесь. На внешнем посту всё равно будут проверять заново.

Мужчина занял место у окна.

В салоне пахло пылью, тканью сидений, человеческим потом и нагретым металлом отопителя. Каждый запах по отдельности был ему знаком, но их сочетания не существовало в подготовленной памяти.

Электрик рядом снял каску и протянул ему металлическую ёмкость.

— Будешь мате?

Мужчина изучил трубку, торчавшую из влажной зелёной заварки.

Он знал состав напитка, историю мате и правила совместного питья. Но знание не объясняло человеческого жеста: незнакомец просто протянул ему сосуд и ждал ответа.

— Да, — ответил он.

Он сделал большой глоток. Горячая жидкость обожгла язык.

Тело отреагировало раньше, чем он успел скрыть ощущение: мужчина резко вдохнул и вернул ёмкость.

Электрик рассмеялся.

— Первый раз?

— В таком виде.

— А в каком ты его пил?

— В другом.

— Очень содержательно.

Это был первый разговор, не связанный с миссией, безопасностью или проверкой личности. Практической пользы в нём мужчина не увидел, зато заметил результат: собеседник расслабился, подозрения не возникло.

Человеческая ошибка оказалась убедительнее безупречного поведения.

Микроавтобус тронулся.

На внутреннем посту его остановили через двести метров. Двое охранников вошли в салон. Один держал бумажный список, второй проверял лица фонарём.

— Всем снять очки и маски.

Мужчина опустил маску.

Когда фонарь приблизился, он снял каску и поднял лицо навстречу свету.

Белый свет вернул радужкам настоящий цвет.

Тонкие золотые линии вспыхнули вокруг зрачков.

Охранник нахмурился.

— У вас глаза...

Снаружи раздался удар. Один из грузовиков, остановленных после тревоги, откатился и задел ограждение. Второй охранник выскочил из салона. Первый отвёл фонарь к двери.

— Что с глазами? — спросил мужчина.

Луч фонаря вернулся к его лицу.

Без прямого отражения золотой рисунок почти исчез; радужки казались необычно янтарными.

— Линзы носите?

— Нет.

— Когда-нибудь говорили, что цвет странный?

В памяти нашлась привычная человеческая реплика — так ответил бы тот, кому этот вопрос задавали не впервые.

— Только незнакомые люди.

Электрик рядом снова усмехнулся.

Охранник сверил фотографию с лицом и перешёл к следующему пассажиру.

Микроавтобус проехал пост.

В командном модуле Эмили уже нашла Даниэля Риоса.

Профиль существовал сразу в нескольких системах. Аргентинский идентификационный номер был действительным, налоговая запись показывала нерегулярные выплаты от технических подрядчиков. В базе раскопа значился временный допуск, якобы созданный за три недели до прибытия международной комиссии.

— Три недели? — переспросил Уокер.

— Метка стоит три недели назад. Но резервная копия того дня не содержит этой записи.

— Значит, её добавили позже с поддельной датой.

— Да. Только текущая база считает, будто запись существовала всегда.

На экране появилась фотография мужчины. Та самая, которую видел Рохас.

Лаура приблизила изображение.

Лицо выглядело совершенно обычным: тёмные волосы, прямой нос, спокойное выражение. Не модель и не незавершённый силуэт — готовая человеческая фотография.

Глаза на фотографии были карими.

— Корабль изменил цвет, — сказала Сара.

— Или фотографию подготовили до того, как М-1 и Ж-1 решили сохранить золотой цвет, — предположила София.

Эмили открыла историю трудовых допусков.

— Он включён в список ночной пересменки.

Уокер потребовал связаться с постом.

Когда пост ответил, машина уже ушла.

Служебный микроавтобус направлялся к логистическому лагерю. На внешнем контрольном пункте его остановили по общему приказу, но Даниэль Риос значился в списке, фотография совпала, а предупреждение о неизвестном мужчине ещё не содержало подтверждённого имени.

К тому времени, когда Уокер приказал вернуть машину, она находилась у ремонтной площадки внешнего лагеря.

Пассажиры уже разошлись.

Мужчина вышел из микроавтобуса вместе с электриками. Не ускорял шаг и не оглядывался. Камеры лагеря фиксировали его с трёх направлений, но ни одна система не выделяла его среди людей: профиль считался действительным.

За складом топлива находился служебный выход к дороге подрядчиков. Он не вёл за двадцатикилометровый государственный периметр, но позволял миновать центральную проходную.

Дальнейший маршрут проходил через служебную дорогу подрядчиков.

Небольшой грузовик компании-поставщика собирался ехать в ближайший город за запасными деталями. Водитель курил возле открытой кабины и ругался по телефону из-за задержки.

Мужчина подошёл к нему.

— Вы едете к региональному складу?

— Если нас когда-нибудь выпустят.

— Мне нужно в город.

Водитель посмотрел на жилет и каску.

— Приказ об эвакуации?

— Перевод в другую группу.

— Документ есть?

Мужчина показал карточку и бумажное направление, лежавшее во внутреннем кармане жилета. Документ был напечатан на бланке подрядчика и подписан именем сотрудника, который действительно работал в логистическом лагере, но этой ночью находился в медицинском модуле.

Водитель прочитал только первую строку.

— Садись. На воротах сам объяснять будешь.

Они выехали через двенадцать минут.

Проверка на внешнем периметре была строже. Военные открыли грузовой отсек, сверили номера пломб и вызвали диспетчера подрядчика. Тот подтвердил рейс, потому что машина действительно должна была отправиться за деталями. О втором пассажире в заявке не упоминалось.

— Его в списке нет, — сказал военный.

Водитель ткнул пальцем в направление.

— Его добавили после отключения. Хотите — оставляйте здесь, но тогда сами везите в город. У меня уже два часа задержки.

Военный передал карточку Даниэля в ручной считыватель.

Зелёный индикатор загорелся сразу.

На экране появились фотография, временный допуск и отметка о переводе в региональный технический центр. Центральная сеть не требовалась: запись уже находилась в локальном кэше контрольного пункта.

Её загрузили туда ещё до запуска биологических носителей.

Военный вернул карточку.

— Вы обязаны отметиться в центре до десяти утра.

— Отмечусь, — сказал мужчина.

Шлагбаум поднялся.

Машина выехала за периметр.

В боковом зеркале мужчина впервые увидел место, где находился корабль, уже снаружи.

Сам объект оставался скрыт в раскопе. Над землёй возвышались краны, мачты освещения и временные конструкции — человеческая машина вокруг другой, гораздо более древней.

Привязанности к месту рождения тела он не испытывал. Но там оставалась женщина, знавшая структуру его сознания ещё до появления голоса, дыхания и боли.

Прямой связи между ними не было — намеренно.

Каждый должен был оценивать свою часть среды независимо.

В неизвестной людям части корабля женщина стояла перед повреждённым узлом.

Помещение не имело привычной геометрии. Стены изгибались вокруг центральной конструкции из трёх смещённых колец. Первое сохраняло правильное положение, второе пересекло древняя трещина, третье застыло под углом, несовместимым с общей работой системы.

Корпус вокруг повреждения восстановился миллионы лет назад: металл затянул внешние разрывы, сохранил герметичность и перераспределил нагрузку. Но внутреннее смещение нельзя было исправить без решения живого оператора. Автоматика не имела права менять геометрию узла перемещения — ошибка могла разрушить корабль изнутри.

Женщина положила ладони на две световые площадки.

Корабль передал ей историю повреждения.

Удар.

Мгновенная потеря ориентации.

Разрыв внешних контуров.

Попытка подняться до полного восстановления.

Запрет экипажа.

Последняя команда, оставленная перед уходом двадцати выживших:

НЕ ЗАПУСКАТЬ ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ СИНХРОНИЗАЦИИ.

Теперь она понимала, почему корабль оставался под землёй шестьдесят пять миллионов лет.

Он мог питать системы, открывать отсеки, поддерживать архивы и создавать биологические носители. Но при попытке взлёта три кольца вошли бы в несовместимые режимы: внутренние уровни сместились бы относительно корпуса раньше, чем корабль набрал высоту.

Ремонт требовал не замены детали, а возвращения трёх пространственных контуров в единое согласованное состояние.

Обычными приборами люди не могли увидеть это повреждение и не поняли бы, что именно нужно исправлять.

Они бы не поняли, что именно ремонтируют.

Женщина поняла.

На поверхности колец появились миллионы точек. Каждая соответствовала связи материала с внутренним полем корабля. Чтобы восстановить синхронизацию, требовалось изменить последовательность этих связей, не потеряв устойчивость ни на мгновение.

Она начала с диагностики.

Первый контур ответил сразу.

Второй включился с задержкой.

Третий остался мёртвым.

Женщина направила к нему минимальный импульс.

Глубоко внутри корабля прошла вибрация, слишком слабая для человеческого слуха. На поверхности раскопа один из датчиков зарегистрировал краткое перераспределение нагрузки, эквивалентное семидесяти четырём килограммам, и сразу вернулся к прежнему значению.

Орлов заметил скачок.

— У нас новая активность в глубинном контуре.

Уокер стоял у схемы третьего выхода. По координатам уже работала группа инженеров: они нашли участок корпуса, скрытый за породой и временной опорой, но никакой двери там не было.

— Связано с женщиной?

— Нет. Источник значительно глубже. Похоже, включилась система, которая до этого не отвечала.

На схеме метка Ж-1 уже отсутствовала.

— Это женщина.

— На каком основании? — спросил Уокер.

— Её маршрут вёл к повреждённой функции перемещения.

София подтвердила:

— Когда формировался её профиль, рядом стояло обозначение: восстановление корабля.

— Значит, один уже за периметром, а вторая работает с системой перемещения трёхкилометрового объекта.

— Доступ ей не дали сейчас, — сказала Лаура. — Её создали именно для этой работы.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Но это повод сначала понять её задачу и только потом называть угрозой.

В эфире появился доклад внешнего поста.

Грузовик поставщика покинул периметр девятнадцать минут назад. В кабине находился дополнительный пассажир — Даниэль Риос. После тревоги военные попытались связаться с водителем, но телефон оказался вне уверенной зоны сигнала.

Уокер приказал перекрыть дорогу.

Ибарра отказался закрывать все направления без подтверждённой угрозы.

— На трассе гражданские машины, журналисты и сотрудники иностранных миссий, — сказал министр. — Развернём вооружённые блокпосты из-за одного человека — и утечка начнётся раньше, чем первый патруль займёт позицию.

— Он создан неизвестной цивилизацией и направляется в столицу.

— Это знаем только мы. Для остальных он технический работник с действующими документами.

— Именно поэтому его нужно найти сейчас.

— Найти — да. Военную охоту устраивать не будем. Передайте данные провинциальной полиции как розыск свидетеля. О корабле — ни слова.

— Его глаза выдадут.

— Тогда укажите редкий янтарный цвет. «Золотые» оставьте внутри комиссии.

Лаура слышала спор и всё отчётливее видела, как меняется положение Даниэля.

Он ещё не сделал ничего, кроме попытки уйти из места, где его собирались окружить вооружённые люди. Но каждое новое распоряжение превращало его из наблюдателя в беглеца.

— Он направляется в Буэнос-Айрес не для нападения, — сказала она.

Уокер отключил микрофон после разговора с Ибаррой.

— Вы знаете его задачу?

— Наблюдать и оценивать людей. Подготовить прибытие.

— Он может считать нападение частью подготовки.

— Прямое причинение вреда не предусмотрено.

— Формулировка корабля, а не гарантия.

— Тогда найдите его так, чтобы первые часы наблюдения не стали для него доказательством, что на неизвестное мы отвечаем только задержанием.

На экране оставалась фотография Даниэля Риоса.

— Я собираюсь доказать ему, что государство контролирует свою территорию.

— Для него разницы может не быть.

Грузовик остановился у придорожной заправочной станции через сорок минут после выезда.

Водитель вышел купить кофе и дозвониться диспетчеру. Мужчина остался в кабине. Камеры над входом, патрульная машина у дальнего насоса, пропущенные вызовы на экране телефона водителя — этого было достаточно, чтобы изменить маршрут.

Маршрут изменился.

Он вышел с противоположной стороны, снял жилет и каску, оставив их под сиденьем. Куртка и тёмные брюки снова делали его обычным пассажиром. За зданием находилась остановка регионального автобуса.

До ближайшего города оставалось около часа пути.

Билет он купил у водителя наличными. Банкноты были изготовлены по точным образцам и имели правдоподобные серии, но их номера никогда не выпускались земным банком. Обычная проверка этого не выявила бы; машинная сверка или банковская экспертиза — могла.

В региональный город автобус прибыл перед рассветом.

Улицы были почти пусты. В пекарнях уже горел свет, грузовики развозили продукты. От автобусной остановки к небольшому аэропорту тянулись первые пассажиры, и мужчина подстроился под их темп.

В потоке он не привлекал внимания.

В кассовом зале аэропорта работало одно окно.

Женщина за стеклом подняла глаза:

— Куда летите?

— В Буэнос-Айрес.

— Сегодня?

— Ближайшим рейсом.

Она проверила расписание.

— Через пятьдесят минут. Место у окна или у прохода?

Он знал различие между местами, но не понимал, почему для короткого перелёта человек должен предпочесть одно другому.

— Какое безопаснее?

Кассирша приподняла брови.

— От чего?

По её реакции мужчина понял, что вопрос прозвучал странно.

— От света во время сна.

— Тогда у прохода. Шторки на окнах у нас живут своей жизнью.

Она назвала стоимость билета.

Мужчина передал деньги.

— Документ, пожалуйста.

Он положил удостоверение на лоток.

— Рабочего пропуска недостаточно. Нужен паспорт или национальное удостоверение личности.

Во внутреннем кармане лежал второй документ — аргентинское удостоверение на имя Даниэля Риоса. Фотография совпадала. По дате рождения ему было тридцать шесть; местом рождения значился небольшой город в провинции, где он никогда не бывал.

Кассирша ввела номер.

Система приняла данные.

— Даниэль Риос, — прочитала кассирша. — Один билет до Буэнос-Айреса.

Впервые человеческий голос произнёс его имя не как вопрос и не как проверку.

Он взял посадочный талон.

На экране в терминале шли утренние новости. Без звука показывали раскоп, толпу у периметра и фотографию Лауры. Внизу двигалась строка: власти отрицали появление неизвестных существ и называли утечку недостоверной.

Даниэль на несколько секунд остановился перед экраном.

Люди рядом бросали взгляд на новости и возвращались к расписанию, кофе, телефонам. Для них корабль был одним событием среди многих. Для него — местом, где началось тело.

Формулировку властей он запомнил.

«Неизвестные существа не появлялись».

Формально она уже была ложью.

В глубине корабля женщина завершила первую проверку повреждённого узла.

Третий контур ответил на импульс.

По его поверхности прошла тонкая линия золотого света. Она продвинулась всего на несколько сантиметров и остановилась у древнего разрыва.

До восстановления оставалось почти всё.

Но система впервые признала возможность ремонта.

На стене возникло сообщение:

ФУНКЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕНА.

Перед женщиной оставались три смещённых кольца.

На соседней поверхности открылась карта внешней среды: земная сеть уже потеряла след мужчины среди тысяч пассажиров.

Один маршрут уходил к Буэнос-Айресу.

Другой начинался в повреждённом сердце корабля.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Самолёт начал снижаться над Буэнос-Айресом, когда солнце уже поднялось над рекой.

Даниэль смотрел в иллюминатор через проход. Под крылом лежал город, значительно превосходивший по размерам все поселения, которые он видел после выхода из корабля. Прямые линии магистралей пересекались с кварталами, крыши уходили к горизонту, движение машин не прекращалось ни на одном участке.

В памяти, переданной сигналом, Буэнос-Айрес существовал как набор карт, изображений и статистических значений. Численность населения. Плотность движения. Расположение правительственных зданий, военных объектов, больниц, редакций, транспортных узлов.

С высоты всё это выглядело иначе.

Город не был схемой. Он двигался.

Самолёт накренился. На мгновение в окне появилась широкая поверхность реки, почти слившаяся с небом. Затем крыло выровнялось, шасси коснулось полосы, и по салону прошёл удар.

Несколько пассажиров одновременно включили телефоны, хотя бортпроводница ещё не разрешила вставать. Мужчина впереди потянулся за сумкой. Женщина через проход уже разговаривала по связи, прижав устройство к уху и продолжая сидеть под горящей надписью о запрете звонков.

Даниэль перевёл взгляд с табло на людей.

Правило оставалось на виду, и его нарушали открыто. Никто не воспринимал это как угрозу порядку.

Он добавил к уже собранным наблюдениям ещё одно: обязательность человеческих правил зависела от обстоятельств, настроения и вероятности наказания.

Когда двери открылись, пассажиры образовали плотную очередь в проходе. Даниэль поднялся последним. Он мог выбрать короткую траекторию к выходу, но уже знал: попытка пройти мимо остальных привлечёт внимание. Поэтому двигался вместе с потоком.

В терминале его окружили объявления, музыка, стук колёс по плитке, запах кофе и десятки разговоров — о встречах, работе, задержанном багаже, детях, счетах и погоде. Никто не обсуждал судьбу планеты. Никто не ожидал, что среди прибывших находится созданный несколько часов назад представитель другой цивилизации.

На большом экране над залом показывали утренние новости.

Сначала — финансовые показатели. Затем — последствия наводнения в одной из провинций. После этого появился снимок раскопа в Патагонии.

Ведущий говорил без звука. Внизу шла строка:

ВЛАСТИ ОТРИЦАЮТ СООБЩЕНИЯ О ВЫХОДЕ НЕИЗВЕСТНОГО СУЩЕСТВА ИЗ ОБЪЕКТА.

Даниэль остановился на расстоянии нескольких метров от экрана.

Показали ночную запись внешнего периметра, красные аварийные огни и сотрудников охраны. Его самого на видео не было. Камера захватила только пустой участок у технического подъёмника после того, как он ушёл.

Затем на экране появилась Лаура.

Использовали старый кадр: она выходила из командного модуля, прикрывая лицо рукой от вспышек. Под изображением повторили фразу, созданную кораблём её голосом:

ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ.

Люди проходили мимо. Некоторые поднимали глаза к экрану, но почти сразу возвращались к своим делам.

Даниэль задержался. Он был одним из тех, о ком говорила ложная фраза, и теперь она стала правдой.

Сотрудник аэропорта попросил не останавливаться посреди прохода. Даниэль отошёл к стене и поймал своё отражение в стекле.

Тёмные очки, подготовленные кораблём, скрывали глаза, но больше напоминали защитное снаряжение рабочих раскопа. Несколько пассажиров уже задерживали на них взгляд. Для города требовалось что-то обычное.

Рядом находился магазин оптики. Даниэль вошёл.

За стойкой стояла женщина лет тридцати. Она раскладывала оправы на светлой поверхности и одновременно отвечала кому-то в наушнике. Увидев покупателя, закончила разговор и улыбнулась.

— Доброе утро. Солнцезащитные?

— Да.

— Для города, для вождения или для спорта?

Даниэль быстро оценил варианты.

— Для сокрытия глаз.

Улыбка женщины стала чуть шире.

— Тогда точно солнцезащитные.

Она решила, что он пошутил, и достала несколько оправ.

— Снимите свои, пожалуйста. Нужно посмотреть форму лица.

Даниэль не двигался.

— Это обязательно?

— Иначе я могу продать вам то, что будет давить или спадать. На секунду.

Он проверил положение камер. Одна находилась над входом, вторая смотрела на кассу. Угол не позволял получить крупное изображение его глаз, если он останется возле боковой стойки.

Даниэль снял очки.

Продавщица подняла голову.

Её рука замерла над оправой.

Золотые радужки находились всего в метре от неё. При дневном свете они не напоминали янтарные. Тонкие линии расходились от зрачков, как металлические нити, а цвет менялся при каждом движении — от тёмного золота к почти белому блеску у внутреннего края.

Женщина открыла рот, но не произнесла ни слова. Даниэль ждал.

Она моргнула. Затем ещё раз.

— Что-то не соответствует человеческой норме? — спросил он.

Продавщица осторожно положила оправу на стойку.

— Я... никогда таких не видела.

— Другие люди отреагируют так же?

— Думаю... да.

— Насколько долго?

Она не поняла вопроса.

— Что?

— Вы не говорили восемь целых четыре десятых секунды. Это обычная реакция?

Продавщица бросила взгляд на настенные часы, словно проверяя, действительно ли прошло столько времени.

— Вы считали?

— Да.

— Зачем?

— Мне необходимо оценить, насколько глаза мешают оставаться незаметным.

Она, видимо, решила, что перед ней человек с редким заболеванием и необычным чувством юмора. Это объяснение помогло ей прийти в себя.

— Тогда берите самые тёмные. И, возможно, не снимайте их без необходимости.

Она выбрала оправу с плотными линзами и протянула ему.

Даниэль надел очки и проверил отражение в зеркале.

Золотой цвет исчез.

— Подходят, — сказала продавщица. — Хотя ваши глаза жалко скрывать.

— Почему?

— Они красивые.

Он задержал на ней внимание.

В его памяти содержались определения симметрии, цвета и эстетического восприятия, но личная оценка незнакомого человека не относилась ни к одной из категорий миссии.

— Красота уменьшает опасность обнаружения?

— Обычно наоборот.

Она пробила покупку. Банковская карта Даниэля прошла проверку с первой попытки.

Перед тем как отдать пакет, женщина снова задержала на нём взгляд.

— Это линзы?

— Нет.

— Генетика?

— Частично.

Ответ был точным. На этот раз она замолчала всего на две секунды.

— Вы актёр?

— Нет.

— Музыкант?

— Нет.

— Тогда кто вы?

Даниэль убрал старые очки в футляр и положил его в сумку.

— Наблюдатель.

Он вышел из магазина.

Продавщица ещё долго провожала его взглядом. Потом взяла телефон, открыла переписку с подругой и набрала: «Ты не поверишь, какие глаза я только что видела».

Она не отправила сообщение сразу.

Несколько секунд она разглядывала текст, затем добавила фотографию пустой стойки, у которой стоял незнакомец.

В кадр попало отражение его спины в зеркале.

Лица не было видно.

Внутри корабля женщина-посланник стояла перед системой, которая не работала шестьдесят пять миллионов лет.

Повреждённый узел занимал вертикальную шахту высотой более ста метров. Три кольца из тёмного материала окружали пустое пространство. Первое сохраняло правильное положение. Второе было смещено относительно оси. Третье раскололось в нескольких местах, хотя внешняя поверхность давно восстановила первоначальную форму.

Люди, добравшиеся до соседних уровней, приняли этот участок за часть энергетической инфраструктуры. Их приборы фиксировали слабые остаточные поля, но не могли определить назначение системы.

Ей было известно его назначение.

Узел не создавал тягу сам. Он изменял характер взаимодействия корабля с массой и гравитацией, снижая нагрузку на трёхкилометровую конструкцию при подъёме. Это не устраняло окружающую породу: при движении корпусу всё равно предстояло физически освободиться от грунта.

Основные двигатели корабля оставались исправны.

Взлёт был невозможен из-за стабилизатора.

Женщина подняла руку. В воздухе перед ней появилась последовательность, переданная вместе с её сознанием.

ПОДГОТОВИТЬ СИСТЕМУ ПОДЪЁМА.

ОЖИДАТЬ РЕЗУЛЬТАТА ОЦЕНКИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ.

ПРИ ПОДТВЕРЖДЕНИИ КОНТАКТА — СОХРАНИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ КОРАБЛЯ.

ПРИ НЕВОЗМОЖНОСТИ КОНТАКТА — ПОКИНУТЬ ПЛАНЕТУ.

Ни одно из сообщений не было обращено к земной комиссии. Разрешение, данное людьми на создание двух носителей, не изменяло условий миссии.

Если человеческая цивилизация окажется готова к контакту, корабль останется местом встречи.

Если нет — он уйдёт.

Вместе с ним Землю покинут архивы, биологические коллекции, пространственные устройства, оборонные системы — всё, что люди уже считали величайшим открытием своей истории.

Женщина подтвердила приказ прикосновением к световой линии.

Первое кольцо ожило.

По его поверхности прошёл импульс. Свет двигался неравномерно: задерживался у каждого нарушенного соединения, проверял обходные контуры и шёл дальше.

Второе кольцо ответило с задержкой.

Третье осталось тёмным.

Женщина открыла схему повреждения. Катастрофа, уничтожившая древнюю наземную базу и погребшая корабль, вызвала не только механический удар. В момент падения несколько

систем получили несовместимые команды: корабль пытался подняться, одновременно удерживая открытыми эвакуационные маршруты и защищая биологические хранилища.

Стабилизатор принял нагрузку, на которую не был рассчитан.

Внешняя оболочка восстановилась, но ошибочная геометрия внутренних узлов сохранилась.

Женщина вошла между кольцами.

Материал под её ногами на мгновение потерял твёрдость, пропуская её в сервисный канал. Человек не смог бы попасть туда без знания точной последовательности полей. Даже Лаура, имевшая особый доступ, увидела бы только сплошную поверхность.

На раскопе Орлов заметил первое изменение через четыре секунды.

— Масса, — сказал он.

Эстебан повернулся от экрана.

— Что с ней?

Орлов увеличил график.

Расчётная масса объекта уменьшилась на три десятых процента, затем вернулась к прежнему значению.

— Ошибка датчиков?

— Одновременно на восьми независимых линиях?

В командном модуле находились Лаура, София, Сара, Эмили и Уокер. После исчезновения двух носителей никто не покидал рабочие зоны без сопровождения. Изображение Даниэля, полученное в региональном аэропорту, уже лежало на столе перед Уокером.

Лицо совпадало с профилем М-1.

Глаза на записи скрывали тёмные очки.

— Самолёт приземлился двадцать две минуты назад, — сообщила Эмили. — Камеры аэропорта зафиксировали его в зоне прибытия. После этого он исчез из поля наблюдения.

— Никуда он не исчез, — сказал Уокер. — Он находится в терминале или уже вышел в город.

— Я говорю о непрерывном сопровождении. Его нет.

— Запросите городские камеры.

— Запрос отправлен через министерство. Без официального основания полиция не даст полный доступ в реальном времени.

Уокер перевёл взгляд на экран связи с Буэнос-Айресом.

Ибарра подключился несколько минут назад. За его спиной находилась карта столицы и список служб, которым уже передали описание Даниэля.

— Никаких публичных ориентировок, — повторил министр. — Никаких вооружённых групп в аэропорту и гостиницах.

— Он вышел из неизвестного шлюза объекта, использовал поддельную личность и добрался до столицы, — сказал Уокер. — Этого достаточно для задержания.

— Его личность проходит государственную проверку как настоящая. Объявив её поддельной, мы должны будем объяснить происхождение данных.

— Тогда задержите его как свидетеля нарушения режима.

— И что произойдёт, если он не захочет идти?

— Это выяснит полиция.

Лаура вмешалась:

— Первые люди, которых он увидит после прибытия, не должны направлять на него оружие.

Уокер повернулся к ней.

— Он уже видел охрану на раскопе.

— И обошёл её. Возможно, именно это было частью проверки.

— Всё у вас становится проверкой.

— Потому что корабль проверял нас с той ночи, когда в сеть попала поддельная запись с моим голосом. Он создал ложное присутствие, измерил реакцию, изучил маршруты, сформировал личности и выпустил одного из носителей туда, где принимаются решения. Вы действительно считаете, что его единственная цель — прогулка по городу?

— Я считаю, что неизвестное лицо с доступом к технологиям корабля находится рядом с правительством.

Ибарра поднял руку.

— Мы ищем его для контакта, не для захвата. Полиция получит фотографию без указания происхождения. Сотрудникам прикажут не применять оружие, если нет прямой угрозы.

— А если он направится к военному объекту?

— Тогда условия изменятся.

Орлов снова позвал их к графику.

Масса корабля уменьшилась второй раз.

На этот раз изменение составило почти половину процента и продолжалось одну целую семь десятых секунды.

В дальнем конце раскопа качнулись подвесные платформы. Несколько датчиков наклона зарегистрировали движение корпуса относительно породы.

— Он сдвинулся? — спросил Эстебан.

— Нет. По крайней мере, не в обычном смысле. Давление на опоры уменьшилось, но геометрическое положение не изменилось.

София вывела энергетическую схему.

— Импульс идёт из неизвестной зоны, куда ушла Ж-1.

Уокер сразу отдал приказ:

— Найти путь. Отключить контур.

Орлов не отвёл взгляда от графика.

— Мы не знаем, что отключать.

— Найдите.

— Это корабельная система. Она не зависит от нашей энергии.

— Тогда перекройте доступ к соседним уровням.

Лаура изучала график.

— Она не пытается скрыться.

— Вы не знаете, что она делает.

— Именно. Но она активирует систему, которая была мёртвой миллионы лет. Это не поведение беглеца.

— Это может быть подготовка оружия.

— Или ремонт.

Уокер повернулся к ней.

— Ремонт чего?

Лаура не ответила.

На экране не было данных, позволяющих назвать систему. Но уменьшение расчётной массы огромного объекта вызывало только несколько возможных предположений, и ни одно из них не было безопасным.

Эстебан заметил её настороженность.

— О чём ты подумала?

— Пока ни о чём, что можно доказать.

В Буэнос-Айресе Даниэль вышел из терминала и остановился под навесом.

Город встретил его влажным воздухом, звуком автомобилей и очередью водителей, предлагавших поездку. Несколько человек одновременно спрашивали, куда ему нужно. Одни называли фиксированную цену, другие обещали дешевле, если он заплатит наличными.

Он сравнил предложения с тарифами, сохранёнными в памяти.

Три водителя завышали стоимость.

Один занижал её настолько, что поездка, вероятно, включала дополнительное условие.

Даниэль выбрал официальное такси.

Водитель взглянул на его небольшую сумку.

— И это весь багаж?

— Да.

— На сколько приехали?

— Пока не будет принято решение.

Водитель открыл багажник, хотя сумку можно было поставить в салон.

— Все мы так живём, amigo.

Он воспринял ответ как философское замечание и больше не спрашивал.

Даниэль назвал адрес гостиницы, подготовленной системой. Машина выехала на магистраль.

Водитель говорил почти без пауз. Он жаловался на пробки, цены, политиков и ремонт дорог. Затем позвонила его дочь. Голос мужчины изменился мгновенно. Он спросил, завтракала ли она, напомнил взять куртку и пообещал приехать на школьное выступление, даже если придётся отменить смену.

После звонка он снова начал ругать движение.

Даниэль следил за сменой его интонаций в зеркале.

— Почему вы изменили голос?

Водитель бросил взгляд назад.

— Когда?

— Во время разговора с дочерью.

— А как с ребёнком разговаривать? Как с налоговой?

— Разные люди требуют разных голосов?

— Конечно.

— Но вы остаётесь тем же человеком.

Водитель рассмеялся.

— Обычно да. Хотя бывшая жена с этим не согласится.

Даниэль сохранил ещё одно наблюдение: человеческая личность не была постоянным способом поведения. Один человек мог проявлять раздражение, нежность, страх и заботу в течение нескольких минут, не считая это противоречием.

На светофоре рядом остановился мотоцикл. Водитель такси опустил стекло и выкрикнул оскорбление человеку, который несколько кварталов назад подрезал его.

Через минуту он уступил дорогу машине скорой помощи, заехав колесом на бордюр.

— Они всегда такие? — спросил Даниэль.

— Кто?

— Люди.

Водитель посмотрел на него в зеркало.

— Какие именно?

Даниэль не нашёл одного определения, которое вместило бы увиденное.

Гостиница находилась в старом здании на тихой улице. Корабль выбрал её не из-за комфорта, а из-за минимального количества автоматических проверок и близости к нескольким транспортным линиям.

Администратор попросил документ и банковскую карту.

Обе проверки прошли.

— Цель поездки? — спросил он, заполняя электронную форму.

— Оценка готовности человеческой цивилизации к контакту.

Пальцы администратора остановились над клавиатурой.

— Конференция?

— Нет.

— Деловая встреча?

— Возможно, позже.

Администратор выбрал пункт «деловая поездка».

— Завтрак до десяти. Выезд в одиннадцать. В номере не курить.

— Я не курю.

— Все так говорят до штрафа.

Он протянул карточку от двери.

— Лифт справа.

Даниэль взял карточку.

— Вы не хотите уточнить, с кем будет контакт?

Администратор уже смотрел на следующего гостя.

— Пока вы платите за номер, можете контактировать с кем угодно, только не шумите после десяти.

Даниэль вошёл в лифт.

Вместе с ним ехала женщина с маленькой собакой. Животное сразу уставилось на него и потянулось вперёд, обнюхивая воздух.

— Не бойтесь, она не кусается, — сказала хозяйка.

— Я не боюсь.

Собака приблизилась, затем неожиданно села и наклонила голову. Несколько секунд она не двигалась.

— Обычно она бросается знакомиться, — удивилась женщина.

— Мы незнакомы.

— Ей это никогда не мешало.

Двери открылись. Собака продолжала смотреть на Даниэля, пока лифт не закрылся.

В номере он впервые остался один вне корабля.

Стены не реагировали на его присутствие. Свет включался только выключателем. Вода текла после поворота крана и не меняла температуру, пока он не изменил положение ручки. Окно открывалось механическим движением.

Всё требовало прямого действия; человеческая среда не предугадывала потребности, а ждала, что человек будет управлять ею сам.

Даниэль положил сумку на кровать. Внутри находились деньги, запасная одежда, документы, карта города и небольшое устройство без экрана. Оно не подключалось к земным сетям и не позволяло связаться с кораблём. Его единственная функция заключалась в сохранении окончательной оценки до возвращения или до заранее определённого момента передачи.

Он не мог спросить женщину, как продвигается ремонт.

Она не могла узнать его вывод раньше завершения миссии.

Так исключалось взаимное влияние.

Даниэль оставил устройство в скрытом кармане куртки и вышел.

Кафе находилось в нескольких кварталах от гостиницы.

Именно его Зеркало расстояний показывало до создания тел: столики у окна, стойку, телевизор над полкой с бутылками и дверь, через которую постоянно входили люди.

Даниэль выбрал свободный столик в углу.

Официантка положила перед ним меню.

— Кофе?

— Да.

— Какой?

В памяти существовали десятки способов приготовления.

— Тот, который здесь выбирают чаще всего.

— Тогда cortado.

— Почему?

— Потому что его выбирают чаще всего.

Она приняла вопрос за шутку.

— Ещё что-нибудь?

— Пища, наиболее типичная для этого времени суток.

Официантка посмотрела на часы.

— Medialunas.

— Сколько?

— Обычно две.

— Почему не одна или три?

— Потому что одна — мало, три — уже решение, о котором придётся пожалеть.

Она ушла, не дожидаясь следующего вопроса.

Даниэль посмотрел на посетителей. За соседним столом двое мужчин обсуждали футбол. Женщина у стены отвечала на рабочие сообщения, одновременно кормя ребёнка. Пожилой посетитель читал газету и каждый раз качал головой, переворачивая страницу.

На телевизоре закончилась реклама.

Появились международные новости.

Первый сюжет показывал разрушенный жилой квартал. Камера двигалась между обломками. Люди выносили раненых, пожарные разбирали бетон, на дальнем плане поднимался дым.

Следом показали запуск ракет, военную технику и карту территории, разделённой на зоны контроля.

Ведущий говорил о новых ударах, сорванных переговорах и заявлениях правительств.

Затем появился другой конфликт.

Другая страна. Другие флаги. Такие же разрушенные здания.

Даниэль отвёл взгляд от экрана к посетителям.

Мужчины продолжали спорить о футболе.

Женщина у стены попросила ребёнка не проливать сок.

Пожилой посетитель перевернул страницу.

Официантка принесла кофе и две небольшие сладкие булочки.

— Это происходит сейчас? — спросил Даниэль, указывая на телевизор.

Она посмотрела на экран.

— Да. Утренние новости.

— Люди там погибают сейчас?

Улыбка исчезла с её лица.

— Наверное. Я не знаю, когда именно снято видео.

— Почему находящиеся здесь продолжают есть?

Официантка поставила чашку осторожнее, чем требовалось.

— А что мы должны делать?

— Остановить происходящее.

— Мы?

— Вы принадлежите к тому же виду.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Люди в этом кафе ничего не начинали.

— Но они знают.

— Знать и иметь возможность остановить — не одно и то же.

— Ваши государства обладают такой возможностью.

— Иногда государства и начинают войны.

Даниэль обработал ответ.

— Тогда почему люди подчиняются государствам?

Официантка выдохнула.

— Вы всегда разговариваете за завтраком о таких вещах?

— Это мой первый завтрак.

Она решила, что он имеет в виду первый завтрак в городе.

— Добро пожаловать в Буэнос-Айрес. Здесь к кофе обычно добавляют меньше вопросов.

— Ваш ответ неполный.

— Потому что полного ответа нет.

Она оглянулась на стойку. Другой посетитель поднял руку.

— Большинство людей просто пытаются прожить свой день. Отвести детей в школу, заработать деньги, вернуться домой. Мы не управляем армиями.

— Но армии состоят из людей.

— Да.

— Политики — люди.

— К сожалению, тоже.

— Тогда вид уничтожает сам себя и одновременно утверждает, что отдельные представители не несут ответственности.

Официантка посмотрела на кадры разрушенного города.

— Возможно. Но если вы найдёте способ остановить всех, кто хочет воевать, скажите. Я принесу вам кофе бесплатно до конца жизни.

— Сколько длится ваша жизнь?

Она прищурилась.

— Вы очень странный человек.

— По каким признакам?

— Вот именно поэтому.

Она ушла к другому столику.

Даниэль попробовал кофе. Он оказался горячее комфортного и горчил даже с молоком. Химический состав напитка был ему известен; причина, по которой люди начинали с него день, — нет.

На экране показали детей, которых выводили из повреждённого здания.

Один ребёнок держал в руках игрушку без головы.

Даниэль сформировал предварительную запись:

ВИД СОХРАНЯЕТ ВЫСОКУЮ ВНУТРИВИДОВУЮ АГРЕССИЮ.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УНИЧТОЖЕНИЯ ПРЕВЫШАЮТ СПОСОБНОСТЬ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ОГРАНИЧЕНИЮ НАСИЛИЯ.

ВОЕННЫЙ ОТВЕТ НА ПРИБЫТИЕ ВЕРОЯТЕН.

Он не сохранил вывод как окончательный.

Новости сменились сюжетом о корабле.

На экране показали толпу за внешним периметром, плакаты и машины телекомпаний. Ведущий сообщил, что международная комиссия продолжает работу, а аргентинские власти отказываются комментировать слухи о двух биологических объектах.

Потом в кадре появился Рауль Ибарра.

Министр выходил из здания в Буэнос-Айресе. Журналисты окружили его и задавали вопросы одновременно.

Звук в кафе сделали громче.

— Существует ли неизвестное существо, покинувшее раскоп? — спросила женщина из толпы.

Ибарра остановился.

— У нас нет подтверждения угрозы населению.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я могу дать без распространения непроверенной информации.

— Военные получили приказ задержать человека по имени Даниэль Риос?

В кафе на несколько секунд стихли разговоры.

Даниэль не изменил положения.

Ибарра обратился прямо к камерам.

— Никакой вооружённой операции в столице не проводится. Если гражданин с таким именем слышит меня, ему следует связаться с властями добровольно. Мы гарантируем безопасность и возможность разговора.

Журналист спросил:

— Разговора с кем? С человеком или с представителем объекта?

Ибарра ушёл, не ответив.

Официантка посмотрела на экран, где ещё оставался кадр Ибарры.

— Вот это новости. Говорят, этот Даниэль уже где-то в городе.

— Вероятно.

Она повернулась к нему.

— Вы слишком спокойно это говорите.

— Какая реакция была бы полезнее?

Официантка усмехнулась.

— С вами любой разговор превращается в исследование.

— Это близко к истине.

Она покачала головой и забрала пустую чашку.

— Теперь я начинаю вам верить.

Даниэль расплатился и вышел.

На улице город продолжал движение, будто новости не изменили ничего.

Он шёл без определённой внешней цели. Задача требовала наблюдать за поведением людей, а не только за официальными решениями. Он выбирал маршруты с высокой плотностью контактов: остановки, площади, магазины, переходы.

У перекрёстка пожилой мужчина внезапно остановился и схватился за грудь.

Сначала прохожие обходили мужчину, не понимая, что происходит. Когда он опустился на колени и упал на бок, реакция изменилась мгновенно.

Женщина с пакетами бросила их на тротуар и опустилась рядом. Молодой человек вытащил телефон и вызвал скорую. Водитель такси включил аварийные огни, перекрывая часть полосы. Кто-то принёс воду. Другой человек снял куртку и подложил под голову пострадавшего.

Никто из них не знал мужчину.

Даниэль приблизился.

Женщина рядом с пострадавшим пыталась нащупать пульс двумя пальцами, но выбрала неправильное место.

— Он не дышит, — сказала она.

— Отойдите на двадцать сантиметров, — ответил Даниэль.

Она вскинула голову.

— Вы врач?

— Нет.

— Тогда не мешайте.

Даниэль опустился на колени с другой стороны. Проверил дыхательные пути, положение шеи и пульс.

Сердечный ритм был нерегулярным и слабым.

— Он дышит. Не давайте воду.

— Скорая едет, — сообщил молодой человек с телефоном.

— Семь минут, — добавил он. — Может, больше из-за пробок.

Даниэль оценил цвет кожи и реакцию зрачков.

— У него острое нарушение кровоснабжения сердца. Нужен дефибриллятор.

— Где мы его возьмём? — спросила женщина.

Даниэль указал на вход в банк через дорогу.

На стене рядом с охраной находился знак автоматического дефибриллятора.

Молодой человек побежал туда.

Охранник сначала отказался отдавать устройство без разрешения руководства. Услышав крики с улицы, он всё же вынес футляр сам.

Пожилый мужчина перестал дышать до возвращения устройства.

Даниэль начал компрессии грудной клетки.

Он рассчитывал глубину и частоту точнее обычного человека, но ограничивал силу, чтобы не вызвать подозрения. Женщина рядом считала вслух. На тридцатом нажатии сбилась, начала заново и от злости на себя расплакалась.

— Продолжайте считать, — сказал Даниэль. — Ошибка не влияет на помощь.

Дефибриллятор включили. Электронный голос приказал всем отойти.

Первый разряд не восстановил ритм.

Даниэль продолжил компрессии.

Такси по-прежнему стояло поперёк полосы. Водитель спорил с человеком, требовавшим освободить дорогу. Затем прохожий понял, что случилось, и сам начал направлять машины в объезд.

Второй разряд вызвал движение грудной клетки.

Пульс вернулся.

Когда приехала скорая, вокруг пострадавшего находилось девять человек. Ни один не ушёл до тех пор, пока медики не погрузили мужчину в машину.

Женщина, первой остановившаяся рядом, подняла рассыпавшиеся по тротуару продукты. Яблоки раздавили машины. Один из прохожих собрал уцелевшие и положил обратно в пакет.

— Вы всё сделали правильно, — сказала она Даниэлю.

— Нет. Первый разряд не сработал.

— Но он жив.

— Это результат второго разряда и работы нескольких людей.

— Значит, мы всё сделали правильно.

Она улыбнулась и ушла, не спросив его имени.

Даниэль проводил её взглядом.

Все участники происшествия потеряли время. Некоторые испачкали одежду. Водитель такси отказался от пассажира. Женщина лишилась части покупок. Никто не получил вознаграждения.

Они помогли представителю своего вида, которого видели впервые.

Он открыл предварительную запись и добавил:

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ПОВЕДЕНИЮ КОЛЛЕКТИВНЫХ СИСТЕМ.

СПОСОБНОСТЬ К БЕСКОРЫСТНОЙ ПОМОЩИ ВЫСОКА.
ПЕРВИЧНАЯ ОЦЕНКА НЕПОЛНА.

В корабле женщина восстановила первый разорванный канал третьего кольца.

Материал не соединился механически. Она изменяла внутреннюю последовательность полей, заставляя две части принять общую геометрию. На каждом этапе система проверяла, сможет ли кольцо удержать нагрузку при подъёме.

Первый канал выдержал.

Второй разрушился сразу после включения.

По шахте прошёл импульс, который достиг внешнего корпуса.

На поверхности раскопа дрогнули металлические фермы. В одном из модулей несколько незакреплённых предметов поднялись на два сантиметра над столами и упали обратно.

Сара схватилась за край панели.

— Это было землетрясение?

— Нет, — ответил Орлов. — Земля не двигалась.

Графики показывали кратковременное уменьшение веса всех предметов в радиусе объекта.

Не массы по расчётам приборов — именно нагрузки на опоры.

Эстебан потребовал объяснение.

Орлов вывел сравнительные данные.

— На две десятых секунды локальная гравитационная реакция изменилась. Не только у корабля. У всего, что находилось рядом.

Уокер отдал приказ эвакуировать людей с нижних уровней.

— Это преждевременно, — сказал Эстебан.

— Когда трёхкилометровый объект начинает уменьшать вес всего вокруг, преждевременных мер не бывает.

Лаура изучала пустую схему неизвестной зоны.

— Она проверяет нагрузку.

— На чём основан вывод? — спросил Уокер.

— Импульсы повторяются с увеличением мощности. Между ними одинаковые интервалы диагностики. Это не случайная активация.

— И не доказательство ремонта.

— Нет.

— Тогда перестаньте называть её работу безопасной.

— Я не называла.

Ибарра всё ещё оставался на линии. Ему одновременно докладывали о поиске Даниэля в столице и об изменениях на корабле.

— Может ли объект подняться? — спросил он.

В модуле стало тихо.

Орлов первым ответил:

— До сегодняшнего дня я считал, что нет.

— А теперь?

— Теперь я не знаю.

Уокер перевёл взгляд на Лауру.

— Вы подумали об этом раньше.

Она не стала отрицать.

— Изменение нагрузки может относиться к системе перемещения.

— Вы сказали «ремонт», не зная назначения.

— Потому что система была повреждена и теперь восстанавливается.

— Если она восстановит взлёт, что произойдёт с раскопом?

Орлов открыл модель.

— При обычном подъёме такой массы неизбежны разрушение шахт, обрушение периметра и сброс огромного объёма породы. Даже если технология снижает нагрузку на корпус, грунт не исчезнет: кораблю придётся физически освободиться от него. Точно предсказать масштаб последствий мы пока не можем.

Ибарра спросил:

— Может ли женщина попытаться угнать корабль?

Лаура ответила без паузы:

— Для неё это не угон. Корабль принадлежит цивилизации, которая её отправила.

— Он находится на территории Аргентины.

— Шестьдесят пять миллионов лет назад Аргентины не существовало.

— Сейчас существует.

Эстебан вмешался, прежде чем спор стал политическим.

— Мы не знаем, готовит ли она взлёт. Но должны допустить такую возможность.

Уокер потребовал разместить дополнительные датчики у внешнего корпуса и подготовить эвакуацию нижних уровней.

Лаура не возражала. Её тревожило другое: если женщина действительно восстанавливала систему подъёма, корабль готовили к возможности уйти.

Даниэль продолжил путь к центру города.

На площади собралась демонстрация. Люди стояли по обе стороны временного ограждения: одни требовали раскрыть все сведения об объекте, другие — прекратить исследования. Между группами находились полицейские.

На плакатах повторялась фраза:

ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ.

На одном изображении Лауру нарисовали с золотыми глазами, хотя никто не видел глаз настоящих носителей.

Даниэль остановился в толпе.

Мужчина с громкоговорителем кричал:

— Если из объекта вышло существо, власти обязаны его найти и уничтожить до того, как оно причинит вред!

С другой стороны женщина держала табличку:

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ТЕХ, С КЕМ ЕЩЁ НЕ ГОВОРИЛИ.

Журналист спросил её:

— Вы готовы впустить неизвестное существо в свой дом?

— Нет, — ответила она. — Но я готова сначала узнать, зачем оно пришло.

— А если оно лжёт?

— Люди тоже лгут. Мы же не уничтожаем каждого заранее.

Из первой группы кто-то выкрикнул, что корабль нужно взорвать.

Другой человек ответил, что взрыв уничтожит половину провинции.

Спор быстро превратился в обмен оскорблениями. Полицейские раздвинули людей, когда двое мужчин попытались прорваться через ограждение.

Даниэль наблюдал: одна цивилизация, один город, одна и та же информация — и противоположные решения.

Рядом с ним подросток раздавал листовки с призывом к мирному контакту. Он протянул одну Даниэлю.

— Вы за контакт?

— Я оцениваю его возможность.

— Тогда вы за нас.

— Почему?

— Потому что те, кто против, уже всё решили.

Даниэль изучил листовку.

На ней был изображён человек, протягивающий руку высокому силуэту на фоне корабля.

— Вы не знаете, как они выглядят, — сказал он.

— Никто не знает.

— Тогда почему силуэт имеет две руки и две ноги?

Подросток пожал плечами.

— Так проще представить.

— А если они выглядят как вы?

— Тогда ещё проще.

Даниэль поднял глаза.

— А если почти как вы?

Подросток усмехнулся.

— Вы задаёте странные вопросы.

— Мне уже говорили.

Он взял листовку.

В этот момент полицейский прошёл вдоль ограждения. На планшете в его руке находилась ориентировка без открытого заголовка. Фотография была получена с камеры аэропорта.

Даниэль узнал собственное лицо.

Полицейский поднял глаза на толпу.

Тёмные очки скрывали золотые глаза, но одежда и черты лица совпадали.

Даниэль не отвернулся сразу. Резкое движение могло привлечь больше внимания.

Полицейский сверил его с изображением на экране.

Расстояние между ними составляло около двенадцати метров.

Из первой группы в полицейское ограждение полетела пластиковая бутылка. Несколько человек одновременно закричали. Полицейский повернулся к источнику шума.

Даниэль сделал шаг назад, смешался с людьми, переходившими площадь, и через минуту оказался на соседней улице.

Он не бежал.

Люди редко замечали того, кто двигался с их скоростью.

В служебной машине за углом двое сотрудников получили обновление: возможное визуальное совпадение возле площади. Им приказали проверить камеры и не проводить задержание без подтверждения.

Ибарра сохранил распоряжение о ненасильственном контакте.

Уокер, получив сообщение на раскопе, потребовал изменить приказ.

— Он находится рядом с правительственными зданиями.

— Рядом с ними находятся десятки тысяч людей, — ответил министр.

— Ни один из них не вышел из корабля.

— И ни один пока не оказал ему помощь при контакте. Мы не знаем его возможностей.

— Тем более нужно действовать раньше.

Ибарра выдержал взгляд в камеру.

— Именно такое мышление он может оценивать.

Уокер промолчал.

Лаура услышала фразу и поняла: министр наконец принял её версию всерьёз.

Даниэль прошёл несколько кварталов и остановился у витрины закрытого магазина. В отражении за ним двигались люди. Преследования не было.

На уличном экране снова появился Ибарра.

Теперь министр выступал перед представителями международной комиссии. Он говорил о необходимости сохранить контроль, но избегать действий, которые могут быть восприняты как нападение.

— Неизвестность не освобождает нас от ответственности, — сказал он. — Если контакт возможен, первое действие человечества не должно быть выстрелом.

Несколько журналистов сразу спросили, подтверждает ли он существование посланника. Министр оставил вопрос без ответа.

Даниэль сохранил выступление.

Человек, обладавший властью над вооружёнными силами, допускал переговоры. Но его приказ мог быть отменён страхом, давлением других государств или действиями людей на местах.

Одного заявления было недостаточно.

Он решил продолжить наблюдение.

В глубине корабля женщина завершила синхронизацию второго кольца.

Третье всё ещё не принимало полную нагрузку. Однако система уже могла частично компенсировать вес объекта.

На внутреннем интерфейсе появилось значение:

ГОТОВНОСТЬ СИСТЕМЫ ПОДЪЁМА — 31 ПРОЦЕНТ.

Следом возникло условие:

ОЖИДАНИЕ РЕЗУЛЬТАТА ВНЕШНЕЙ ОЦЕНКИ.

КОНТАКТ НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

ПОДГОТОВКА К ПОКИДАНИЮ ПЛАНЕТЫ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Женщина остановила следующий цикл на несколько секунд.

Она увидела сводку внешней среды, переданную не от Даниэля, а из открытых земных потоков: войны, демонстрации, поисковые группы, распоряжение Ибарры не применять оружие, людей, спасавших незнакомца на улице.

Эти данные не являлись оценкой мужчины. Они только показывали условия, в которых он её формировал.

Женщина возобновила ремонт.

На раскопе приборы зафиксировали ещё одно снижение нагрузки.

Лаура стояла перед схемой корабля; неизвестная зона на ней оставалась чёрной.

— Она готовит его к движению, — сказала она.

Эстебан не потребовал доказательств.

— Куда?

— Этого я не знаю.

В Буэнос-Айресе Даниэль снова оказался среди людей, спешивших через перекрёсток.

В одной руке Даниэль держал листовку с протянутыми навстречу руками. В памяти сохранялись кадры разрушенных городов; перед глазами — люди, которые вместе вернули сердцебиение незнакомому мужчине.

Он прибыл, чтобы определить, готово ли человечество к встрече.

Но у человечества не было единого ответа.

Пока он продолжал искать его, глубоко под Патагонией корабль впервые за шестьдесят пять миллионов лет готовился не ждать, а уйти.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЗОЛОТОЙ СЛЕД

После закрытия магазина продавщица ещё трижды возвращалась к сообщению, которое так и не решилась отправить.

На экране телефона оставались несколько строк и снимок пустой стойки. В зеркале за ней виднелась спина мужчины в тёмной куртке. Ни лица, ни золотых глаз. Снимок не подтверждал ничего из того, что она собиралась рассказать.

Она стирала текст, набирала заново и снова останавливалась.

«У него были глаза как металл» звучало нелепо.

«Как расплавленное золото» — ещё хуже.

В конце она отправила подруге короткое сообщение:

«Сегодня видела человека с глазами, которых не бывает».

Ответ пришёл почти сразу:

«Покажи запись».

Над кассой висела камера. Внутренний архив хранил записи семь дней. Доступ был у управляющего, но пароль он держал на листке под клавиатурой — иначе постоянно забывал.

Она знала, что не должна копировать записи клиентов.

Через минуту уже вводила пароль.

Камера над входом не брала глаза крупно. Но вторая находилась ниже, чем предполагал Даниэль. Она отражалась в боковом зеркале и захватила момент, когда он снял старые очки.

Продавщица остановила кадр.

Стекло слегка исказило лицо. Золотые радужки камера передала как две светлые точки с тонким внутренним рисунком. Обычный цифровой блик был бы белым; здесь цвет менялся от бронзового к холодному золоту и сохранялся в следующем кадре.

Она увеличила изображение.

На миг у неё снова перехватило дыхание.

Запись исключала случайный блик.

Подруга написала:

«Это линзы».

Продавщица ответила:

«Он сказал, что нет».

«И ты поверила незнакомцу?»

Она не знала, почему поверила. Возможно, из-за его прямоты. Человек, желающий произвести впечатление, вряд ли стал бы покупать самые тёмные очки, чтобы скрыть главное достоинство.

Она отправила восьмисекундный фрагмент.

Подруга переслала его своему брату.

Брат — знакомому, который занимался монтажом рекламных роликов.

Через двадцать семь минут запись оказалась в закрытой группе любителей необычных явлений. Ещё через шесть кто-то убрал название магазина, добавил музыку и выложил ролик в открытый доступ с подписью:

ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМИ ГЛАЗАМИ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ.

Большинство первых комментариев обвиняло автора в обработке изображения. Несколько человек спрашивали название программы.

Один пользователь написал, что видел того же мужчину в аэропорту.

Другой приложил кадр из репортажа о поиске Даниэля Риоса.

Автоматический мониторинг комиссии сопоставил лица раньше, чем кто-либо из комментаторов.

В командном модуле раскопа предупреждение пришло Эмили как раз тогда, когда Орлов готовил очередной тест датчиков массы.

— Нашли ещё одну запись, — сказала она.

Уокер подошёл к её столу.

На экране Даниэль стоял у стойки оптики без очков. Фрагмент был коротким, искажён отражением и пересвечен, но лицо совпадало с профилем М-1 на девяносто семь процентов.

Лаура увидела глаза.

Цвет она знала по модели, сформированной кораблём. Но компьютерное лицо и живой взгляд производили разное впечатление. Золотые радужки были единственной заметной чертой, которая не вписывалась в тщательно созданную земную внешность.

— Где магазин? — спросил Уокер.

— В аэропорту. Ролик опубликован двадцать минут назад, но запись сделана утром.

— Значит, след старый.

— Не только. Один из комментариев содержит видео с площади Сан-Тельмо. Загружено четыре минуты назад.

Эмили открыла второй файл.

На каменной площадке танцевала пара. Вокруг стояли туристы, местные жители и несколько уличных музыкантов. В первые секунды Даниэля в кадре не было.

Затем он появился сбоку.

Видео дрогнуло, когда человек, снимавший танец, повернул телефон вслед за ним.

— Почти прямой эфир? — спросил Уокер.

— Разница меньше десяти минут.

Ибарра уже находился на связи.

— Передайте координаты столичной полиции, — распорядился он. — Только наблюдение. В толпе его не задерживать.

— Через час его лицо будет на всех каналах, — сказал Уокер.

— Тогда тем более не нужно превращать улицу в операцию захвата.

— При условии, что он сам не представляет угрозы.

Ибарра ответил не сразу:

— Пока у нас нет данных, что представляет.

Лаура всмотрелась в застывший кадр. Даниэль держал за запястье мужчину в сценическом костюме. Рядом стояла танцовщица — одновременно удивлённая и раздражённая.

— Сначала досмотрим, — сказала она.

За сорок минут до этого Даниэль выбирал путь не по карте, а по плотности человеческих взаимодействий.

После площади у правительственных зданий он отказался от маршрута к гостинице. Уличные камеры уже могли восстановить часть его пути. Возвращение в подготовленное системой помещение сделало бы его местонахождение предсказуемым.

Он направился в старый район, где люди находились близко друг к другу и редко замечали тех, кто не относился к их группе.

Здания стали ниже. На тротуарах появились столики кафе, торговцы сувенирами и музыканты. В воздухе смешивались запахи кофе, горячего масла, старого камня и автомобильного топлива.

Двое мужчин спорили о цене антикварной вещи, которой ни один, судя по разговору, не собирался пользоваться. Рядом женщина фотографировала стену с облупившейся краской, хотя напротив стояло недавно восстановленное здание.

Даниэль ещё не понимал, почему люди придавали ценность следам разрушения, если умели возвращать вещам первоначальный вид.

Через несколько метров он увидел другое.

Пожилый продавец позволил ребёнку взять маленькую фигурку, пока его мать искала деньги. Когда выяснилось, что нескольких купюр не хватает, продавец махнул рукой и всё равно отдал игрушку.

Здесь объяснение оказалось ещё сложнее.

Продавец ничего не получил взамен. Никто не требовал от него уступки. Он добровольно отказался от небольшой выгоды ради радости ребёнка, которого, вероятно, больше никогда не увидит.

Даниэль отметил этот поступок отдельно.

В нескольких метрах заиграла музыка. Люди образовали круг вокруг танцующей пары, и он остановился.

Мужчина в тёмной шляпе удерживал партнёршу за спину. Она резко отступила, он притянул её обратно. Его нога перекрыла движение женщины, рука перехватила запястье. Она выгнулась, почти потеряв равновесие, затем вернулась к нему.

Окружающие смотрели и улыбались.

Даниэль сопоставил движения с известными ему моделями физического конфликта. Сила применялась ограниченно, но мужчина явно контролировал траекторию женщины. Несколько раз она пыталась увеличить расстояние, и каждый раз он возвращал её к себе.

Музыка ускорилась.

Танцор резким движением развернул партнёршу и прижал к себе.

Даниэль вошёл в круг.

Он перехватил руку мужчины прежде, чем тот успел завершить следующий поворот.

Музыкант сбился.

Танцовщица выпрямилась.

— Отпустите её, — сказал Даниэль.

Танцор попытался высвободить запястье, но не смог.

— Что вы делаете?

— Прекращаю принуждение.

Несколько зрителей засмеялись, решив, что это часть выступления.

Танцовщица перевела взгляд с Даниэля на руку партнёра.

— Он меня не принуждает.

— Вы неоднократно пытались увеличить расстояние. Он препятствовал.

— Мы танцуем танго.

— Я знаю название.

— Тогда в чём проблема?

Даниэль ослабил пальцы. Танцор сразу отдернул руку и растёр запястье.

— В известных мне описаниях не указано, что сопротивление является добровольным.

Танцовщица задержала на нём взгляд, затем рассмеялась.

— В танго половина сопротивления добровольная, а вторая половина — притворная.

— Как их различить?

— По согласию партнёров.

— Оно не было выражено словами.

— Мы репетировали этот номер три недели.

Даниэль обратился к мужчине:

— Вы подтверждаете?

— Подтверждаю. И ещё подтверждаю, что вы чуть не сломали мне руку.

— Повреждения нет.

— Очень утешает.

Толпа снова засмеялась.

Даниэль отпустил его полностью.

— Приношу извинения за неверную оценку ситуации.

— Вы всегда так разговариваете? — спросила танцовщица.

— Да.

— Тогда вам нужно меньше наблюдать и больше танцевать.

— Это улучшит оценку человеческой цивилизации?

Она решила, что он продолжает шутить.

— Значительно.

Музыкант восстановил ритм. Зрители захлопали, требуя продолжения. Танцор, всё ещё раздражённый, протянул Даниэлю шляпу.

— Раз уж прервали выступление, компенсируйте потерянные минуты.

Даниэль заглянул внутрь. На дне лежали купюры и монеты.

— Какова стоимость минуты?

— Сколько не жалко.

Формулировка опять не давала точного ответа.

Даниэль достал из кошелька купюру, значительно превышавшую обычное пожертвование, и положил в шляпу.

Танцор приподнял брови.

— За эти деньги можете прервать нас ещё раз.

— Это противоречит предыдущей претензии.

Танцовщица рассмеялась.

— Не пытайтесь найти в людях постоянство. У вас испортится день.

Даниэль собирался выйти из круга, когда один из зрителей задел его плечом. Очки сместились. Он поймал их, но на несколько секунд золотые глаза остались открытыми.

Смех стих не сразу.

Первой замолчала танцовщица, следом — мужчина в шляпе. Телефон в руках туриста продолжал снимать.

Солнечный свет падал сбоку. В радужках Даниэля проступили тонкие металлические линии, отчётливо различимые с расстояния нескольких метров.

Девочка лет восьми, стоявшая рядом с матерью, спросила:

— Вы супергерой?

— Нет.

— Тогда почему у вас такие глаза?

Даниэль мог назвать биологические параметры, устройство радужки, характеристики отражения. Ни один из этих ответов не объяснял того, о чём спрашивал ребёнок.

— Они соответствуют моему происхождению.

Мать сразу притянула девочку к себе.

— Линзы, — сказал кто-то из толпы.

— Не похоже, — отозвался другой голос.

Танцор отступил на полшага.

Теперь движение не было частью представления.

Даниэль надел очки.

— Вы боитесь? — спросил он.

Танцор промолчал.

Танцовщица первой вернула прежнее выражение лица.

— Я не каждый день вижу золотые глаза.

— В магазине мне сообщили то же самое.

— А там тоже пытались вас заставить танцевать?

— Нет.

По толпе прокатился ещё один смешок — уже не такой свободный.

Даниэль вышел из круга. Теперь люди расступались перед ним быстрее.

Изменение произошло за несколько секунд.

Пока отличие оставалось скрытым, его считали странным человеком.

Когда отличие стало видимым, часть людей перестала быть уверена даже в этом.

На углу Даниэль проверил оправу по отражению в витрине. Линзы не пострадали. За спиной снова заиграло танго.

Но несколько зрителей уже следили не за парой, а за ним и за экранами телефонов, где снова и снова прокручивали момент с золотыми глазами.

Он прошёл два квартала и заметил первый признак наблюдения.

Серый автомобиль держался на параллельной улице. Даниэль уже видел его возле площади, хотя номер теперь отличался. Внутри сидели двое: один следил за дорогой, второй держал устройство на уровне колен.

Даниэль сменил направление.

Автомобиль не повернул сразу. Проехал перекрёсток, исчез и через три минуты появился на следующей улице.

Наблюдение было профессиональным, но не агрессивным. Люди не приближались, не перекрывали путь и не демонстрировали оружия.

Даниэль решил проверить не их подготовку, а поведение.

Перед аптекой пожилая женщина уронила бумажный пакет. Коробки рассыпались под ногами прохожих. Один из наблюдателей вышел из автомобиля, помог собрать лекарства и вернулся на место, ни разу не взглянув в сторону Даниэля.

Это могло быть частью маскировки.

Но женщина поблагодарила его, и мужчина ответил ей с обычной вежливостью, хотя почти на двадцать секунд потерял удобную позицию.

Даниэль снова отметил человеческий поступок, не связанный с задачей человека, который его совершил.

Наблюдатель мог следить за потенциальной угрозой и одновременно помогать незнакомой женщине.

Одно не отменяло другого.

Даниэль продолжил путь.

В командном модуле ролик с танго закончился на моменте, когда он надел очки.

Эмили остановила запись на крупном кадре золотых глаз.

— Второе независимое подтверждение. Оптика в аэропорту и телефон на площади. Цвет совпадает с моделью М-1.

Сара увеличила изображение.

— Камера искажает спектр, но рисунок радужки действительно необычный. Радиальных структур больше, чем ожидается у человека, а отражение ведёт себя не как обычный пигмент. По двум записям дальше я бы не шла.

Уокер сразу вернул разговор к главному для него вопросу:

— Координаты?

— Он ушёл на запад. Городские камеры потеряли его на двух перекрёстках. Полиция держит дистанцию.

— И продолжает только наблюдать?

Ибарра ответил сам:

— Да.

— После того, как он применил силу к человеку?

— После того, как он вмешался в ситуацию, которую неверно понял, выслушал объяснение и прекратил вмешательство.

Уокер нахмурился.

— Вы формулируете это почти как Лаура.

— Я формулирую то, что видно на записи. Если появятся другие факты, изменится и решение.

Лаура не стала вмешиваться.

На экране Даниэль снова остановился перед танцором, слишком серьёзный среди смеющихся людей.

— Вы считаете его безопасным? — спросил Уокер.

— Я этого не говорил, — ответил Ибарра. — Я сказал, что у меня пока нет основания устраивать задержание в толпе.

Такой ответ Уокера явно не удовлетворил, но спорить он не стал.

Эмили сообщила:

— К ролику уже привязали запись из аэропорта. Имя Даниэля Риоса входит в открытые публикации.

— Теперь ориентировка бессмысленна, — сказал Уокер.

— Нет, — возразил Ибарра. — Публичная ориентировка от государства будет означать, что мы официально называем его угрозой. Пока мы этого не знаем.

На экране оставалось лицо Даниэля.

Корабль создал ему человеческое тело, голос, документы и биографию, но оставил одну черту, способную разрушить маскировку за несколько секунд.

Лауре всё труднее было считать это случайностью.

— Возможно, полное сходство и не было целью, — сказала она.

София повернулась к ней:

— Чтобы носителей всё-таки можно было отличить?

— Или чтобы они сами всегда могли отличить себя.

Уокер бросил:

— Женщину это поможет найти только после того, как она покажется.

Будто откликаясь на эти слова, по схеме корабля прошёл новый импульс.

Орлов увеличил график.

— Третий цикл.

Расчётная нагрузка на нижние участки корпуса снизилась почти на один процент. Через четыре секунды показатели вернулись к исходным.

В раскопе заскрипели опорные фермы. По металлическим настилам прошла короткая вибрация, подняв тонкий слой пыли.

Датчики нижнего уровня одновременно зарегистрировали изменение нагрузки.

Недостаточно закреплённый контейнер соскользнул с платформы и разбился.

— Нижнюю зону очистить полностью, — приказал Уокер.

Эстебан уже изучал графики.

— А мы должны понять, где это включается.

— Источника на карте нет, — сказала София.

— Тогда идём к ближайшему участку, где показания максимальны.

На схеме чернела неизвестная зона. После исчезновения Ж-1 её граница несколько раз менялась. Люди уже не могли быть уверены, что видят постоянную внутреннюю конфигурацию корабля.

Лаура указала на тёмный сектор:

— Если женщина действительно работает там, она знает, что мы попытаемся найти источник.

— Тем лучше, — сказал Уокер. — Возможно, придётся наконец решить, собирается она разговаривать или нет.

Группа собралась через двенадцать минут.

В неё вошли Лаура, Эстебан, София, Орлов, Уокер и двое сотрудников безопасности. Сара осталась в командном модуле следить за возможными биологическими сигналами. Эмили продолжала координацию со столичной полицией.

Ограничения Лауры формально сохранялись: касаться интерфейсов без разрешения она не могла, хотя после появления носителей сам смысл запрета становился всё менее определённым.

Перед входом Уокер проверил оружие охранников.

— Внутри держать в кобурах. Применять только при прямой угрозе.

— Это приказ Ибарры? — спросила Лаура.

— Мой.

Она слегка приподняла брови.

— Значит, разговор вы всё-таки допускаете.

— Я допускаю, что вы в любом случае успеете встать между нами.

— Тогда не заставляйте меня.

Главный коридор встретил их обычным светом. Никаких сигналов тревоги не было.

Вертикальная дорога приняла маршрут к ближайшему исследованному уровню ниже медицинского сектора.

Во время спуска Орлов следил за переносным датчиком. Остаточное поле усиливалось, однако направление постоянно смещалось.

— Источник будто перемещается вокруг нас.

София взглянула на показания.

— Или прибор пытается описать поле в геометрии, для которой его не проектировали.

Кабина остановилась.

Перед ними тянулся коридор с тёмными стенами и полосой света у пола. Несколько недель назад группа уже проходила здесь. Тогда путь заканчивался тупиком возле силового узла, назначение которого установить не удалось.

Теперь коридор был длиннее.

Эстебан заметил это первым.

— До стены было сорок метров.

Орлов сверился с механической картой.

— Тридцать восемь и семь десятых.

Световая линия уходила дальше чем на шестьдесят.

Охранники заняли места по краям группы.

Через каждые десять метров Орлов оставлял физическую метку. После четвёртой Лаура оглянулась.

Первую уже не было видно, хотя коридор казался прямым.

— Не расходиться, — сказал Уокер.

Пол едва заметно вибрировал.

Импульс не напоминал запуск двигателя. По показаниям датчиков система скорее последовательно проверяла давно не работавшие контуры, включая один за другим и почти сразу отключая.

София остановилась у стены.

На поверхности возникли три тонких кольца. Два светились ровно, третье распадалось на прерывистые участки.

— Это схема источника? — спросил Эстебан.

Орлов приблизил датчик.

Поле усилилось.

— Может быть. Но не обязательно физическая схема.

Лаура не касалась стены.

— Спросите назначение.

София сформулировала запрос через переносной интерфейс.

Корабль ответил символами, часть которых уже встречалась в системах Вертикальной дороги, внутренних транспортных капсул и опорных контуров.

Переводчик предложил три варианта:

ИЗМЕНЕНИЕ НАГРУЗКИ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОПОРЫ.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ.

Орлов перечитал перевод.

— Может относиться к движению всего объекта. А может — к внутренней компенсации нагрузки. По этим словам границу функции не определить.

— Передайте изображение Ибарре, — сказал Уокер.

На стене появилась новая строка:

ДОСТУП К ФУНКЦИИ НЕ РАЗРЕШЁН СРЕДЕ.

Один из охранников спросил:

— Среде — это нам?

— Вероятнее всего, — ответила София.

— А Ж-1 разрешён?

Интерфейс остался пустым.

Лаура задержала взгляд на разорванном третьем кольце.

— Она восстанавливает систему, связанную с нагрузкой и перемещением.

Эстебан уточнил:

— Перемещением корабля?

— Мы этого не знаем.

— Если следующий цикл будет сильнее, скоро узнаем без перевода, — сказал Уокер.

— Именно поэтому не стоит заранее объявлять гипотезу фактом.

Уокер запросил способ отключения контура.

Изображение погасло.

Полоса света у пола изменила направление, указывая назад, к Вертикальной дороге.

Орлов первым понял смысл:

— Нас выводят.

— Мы ещё не закончили, — сказал Уокер.

Секции освещения за их спинами начали гаснуть одна за другой.

Проверять, что произойдёт при отказе, он не стал.

Группа двинулась назад.

Коридор снова сокращался. Физические метки Орлова появлялись одна за другой, но расстояние между ними уже не соответствовало тому, которое группа прошла по прямой.

Лаура шла последней перед охранником.

У одного из поворотов она заметила справа гладкую панель. Поверхность отличалась от остальных стен — почти чёрная, отражающая свет и фигуры людей с едва заметной задержкой.

В ней двигались спина Софии, плечо Эстебана, красный индикатор на снаряжении охранника.

А затем появилась женщина.

Она стояла в нескольких метрах за Лаурой.

Ростом примерно с неё. Тёмная одежда без знаков и видимых застёжек. Волосы убраны назад. Спокойное, полностью человеческое лицо.

Глаза — золотые.

Не светлые точки на записи из магазина и не компьютерная модель.

Живые радужки смотрели прямо на Лауру. В глубине цвета проходил тонкий металлический рисунок.

Лаура остановилась.

Отражения остальных продолжили движение.

Женщина осталась на месте.

Она не поднимала рук и не приближалась.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга.

Лаура обернулась.

Коридор был пуст.

Позади стоял только охранник.

— Что случилось?

Напротив оставалась гладкая стена. Ни двери. Ни ниши. Ни поворота, куда человек мог бы исчезнуть за долю секунды.

— Вы никого не видели?

— Кого?

София и Эстебан вернулись.

— Лаура?

Она снова взглянула в панель.

Там отражались только они.

Уокер подошёл ближе.

— Что вы увидели?

Лаура не ответила сразу.

После ложного голоса и созданного кораблём присутствия любое её утверждение могло вызвать новую блокировку, расследование и вооружённый поиск внутри объекта.

Но золотые глаза она не могла спутать.

— Женщину.

Рука Уокера легла на кобуру.

— Где?

— В отражении. За мной.

Он отправил одного охранника до предыдущей метки, второго — вдоль стены со сканером. Приборы не обнаружили биологического объекта, теплового следа или признаков открывавшегося прохода.

София приблизилась к панели.

— Она могла показать сохранённое изображение.

— Нет.

— Почему?

— Она смотрела на меня.

— Корабль уже создавал модели людей, способные реагировать.

Лаура подошла ближе, но не коснулась поверхности.

Перед глазами оставалось едва заметное движение золотых радужек.

Не воспроизведение заданной реакции.

Колебание.

Выбор.

— Она решала, оставаться ей или уйти.

Уокер велел продолжить проверку, но коридор снова начал гаснуть.

Времени не осталось.

Группа вернулась к Вертикальной дороге.

В командном модуле Сара сравнила записи с камер на защитных костюмах. На всех изображениях за спиной Лауры находился пустой проход.

Отражающая панель выглядела тёмным пятном без деталей.

Ни посторонних шагов, ни дыхания звук не зафиксировал.

— Значит, считаем контакт неподтверждённым, — сказал Уокер.

София откинулась от экрана.

— В прошлый раз вы ограничили Лауру из-за неподтверждённого события. Теперь хотите начать поиск по такому же событию?

— Теперь мы знаем, что Ж-1 существует.

— Мы знаем, что существует носитель. Но не знаем, каким образом Лаура его увидела. Лаура смотрела на собственную фигуру перед пустой стеной.

— Она была там.

Эстебан сел рядом.

— Я тебе верю.

После их утреннего разговора эти слова значили для Лауры больше, чем он, вероятно, понимал.

Уокер услышал.

— Вера не заменяет запись.

Эстебан взглянул на него.

— После всего, что делает этот корабль с нашими приборами, я бы уже не требовал от записи заменять реальность.

Ибарра потребовал полный отчёт о неизвестной системе изменения нагрузки и возможных последствиях её активации. Вооружённый поиск женщины он не санкционировал, но распорядился подготовить расширенную эвакуацию раскопа.

— Пока мы не понимаем, что именно запускается, люди не должны находиться над корпусом.

Лаура не спорила.

Для неё главный вопрос уже изменился.

Не существует ли женщина.

Зачем она позволила себя увидеть.

В Буэнос-Айресе число просмотров ролика с танго превысило миллион.

Кадр с золотыми глазами появился в новостях прежде, чем государственные службы успели выработать единую реакцию. Одни эксперты называли изображение цифровой обработкой. Другие говорили о редкой мутации. Третьи уже связывали мужчину с событиями в Патагонии.

Продавщица из аэропорта увидела сюжет на телефоне и поняла, что именно её запись стала первым подтверждением.

Возле служебного входа в магазин уже собирались журналисты.

Даниэль видел тот же сюжет на экране в окне кафе через дорогу.

Его лицо показывали рядом с изображением корабля.

Подпись гласила:

ЗОЛОТОГЛАЗЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ: ПЕРВЫЙ ГОСТЬ ИЛИ ОПАСНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ?

Люди вокруг обсуждали его, не узнавая в мужчине у стены человека с экрана. Новые очки полностью скрывали глаза, а отражение в магазинной камере слегка исказило черты.

— Его нужно задержать, — сказал один посетитель.

— За цвет глаз? — спросила женщина за соседним столом.

— За связь с кораблём.

— Этой связи никто не доказал.

— А если он опасен?

— А если нет?

Даниэль слушал.

На площади люди спорили о неизвестном существе.

Теперь неизвестное существо получило лицо.

Его лицо.

На другом экране показали заявление Рауля Ибарры.

Министр подтвердил, что власти ищут Даниэля Риоса для добровольного разговора. Приказа о вооружённом задержании не было.

Даниэль отметил это.

Власть располагала средствами принуждения и пока не применяла их.

Но сама по себе сдержанность ещё ничего не решала.

Человек в сером автомобиле следил за ним — и помог пожилой женщине собрать лекарства.

Танцор сначала испугался — а через несколько секунд снова пошутил.

Мать девочки оттащила ребёнка от незнакомца с золотыми глазами.

Продавец отдал игрушку другому ребёнку, хотя потерял деньги.

Одни и те же люди могли действовать из страха и из сострадания. Иногда почти одновременно.

В исходной задаче такие реакции предполагалось классифицировать.

Даниэль всё меньше понимал, как.

Он вышел через заднюю дверь кафе.

Серого автомобиля рядом не было.

Это не означало, что наблюдение прекратилось. Оно лишь стало менее заметным.

На перекрёстке Даниэль остановился перед картой города.

Раньше он выбирал места, где можно было увидеть как можно больше человеческих взаимодействий. Затем следил за реакциями на себя.

Этого оказалось недостаточно.

Решение одного чиновника тоже ничего бы не доказало. Приказ можно было отменить. Политику — изменить. Один человек мог проявить осторожность там, где другой выбрал бы страх.

Даниэлю требовалось другое.

Увидеть, что человек делает в момент, когда у него нет готовой инструкции.

Когда никто не говорит, кого бояться.

Кому помогать.

Чем рисковать.

И когда на решение остаются секунды.

Он не знал, где произойдёт такой выбор.

И впервые не стал искать способ его организовать.

Даниэль свернул карту и пошёл дальше вместе с потоком людей.

Пусть следующий ответ даст сама Земля.

В глубине корабля женщина стояла за стеной, возле которой Лаура увидела её отражение.

Земная группа уже покинула уровень. Последние голоса исчезли в Вертикальной дороге.

На внутреннем интерфейсе сохранялась отметка:

ВИЗУАЛЬНОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ Ж-1 ПРОФИЛЕМ Л-1.

КОНТАКТ НЕ УСТАНОВЛЕН.

Женщина закрыла запись.

Она не собиралась показываться.

Краткий импульс системы подъёма вызвал переконфигурацию обслуживаемого участка, и отражающая поверхность на мгновение оказалась связана с соседним проходом. Этого не должно было произойти.

Сбой длился меньше двух секунд.

Лауре хватило.

Женщина вернулась к повреждённому кольцу.

Третий контур принял новый канал. По тёмному материалу прошла линия света и замкнула ещё один разрыв.

На интерфейсе появилась строка:

ГОТОВНОСТЬ СИСТЕМЫ ПОДЪЁМА — 52 ПРОЦЕНТА.

Ниже сохранялся статус другой задачи:

ОЦЕНКА СРЕДЫ — НЕ ЗАВЕРШЕНА.

Женщина задержала взгляд на этих словах.

Даниэль был создан, чтобы дать ответ.

Но с каждым новым наблюдением ответ всё меньше походил на то, что можно было получить по заранее заданной процедуре.

ГЛАВА ПЯТАЯ КОНТУР ВЗЛЁТА

Расширенную эвакуацию начали через сорок минут после возвращения группы.

К этому времени запись с камеры Лауры просмотрели семь раз. Женщины на ней не было. Тёмная панель отражала лишь размытую полосу света; то, что Лаура увидела собственными глазами, камера не зафиксировала.

Уокер не называл её рассказ ошибкой. Он выбрал более осторожное определение: неподтверждённый визуальный контакт.

Для Лауры разница была формальной.

— Я не прошу считать отражение доказательством, — сказала она. — Я прошу учитывать, что Ж-1 находилась рядом с системой, назначение которой корабль от нас скрывает.

— Это уже учтено, — ответил Уокер. — Поэтому людей выводят из зоны над корпусом.

На главном экране командного модуля карта раскопа постепенно краснела. Сначала закрыли технические площадки над центральной частью корабля, затем вывели смену из северной шахты, остановили железнодорожную ветку, перекрыли грузовые маршруты и сняли людей с трёх наблюдательных вышек.

Триста восемьдесят четыре сотрудника нельзя было вывести одновременно: часть систем требовала непрерывного обслуживания. Медицинский модуль, связь, вентиляция, насосы и внешнее укрепление шахт оставались под контролем дежурных групп.

Ибарра приказал сократить их до минимального состава.

— Не называйте это эвакуацией в открытых каналах, — сказал он. — Официальная формулировка — плановое перераспределение персонала.

Марк усмехнулся:

— Тысяча людей у внешнего периметра обязательно поверит, что несколько сотен сотрудников одновременно решили перераспределиться ночью.

— За периметром уже считают, что корабль выпускает существ и имитирует голоса, — ответил Ибарра. — Дополнительная точность формулировок нам не повредит.

Орлов в спор не вступал: на схеме он расставлял новые измерительные посты.

После предыдущих импульсов электронным датчикам доверяли лишь с оговорками. Инженеры установили независимые оптические отметки на открытых участках корпуса, механические уровни, отвесы, лазерные дальномеры на автономных батареях и камеры с плёночной регистрацией.

— Если корабль действительно изменяет нагрузку, — сказал Орлов, — мы должны отделить физическое событие от помех в приборах.

— Насколько точными будут измерения? — спросил Эстебан.

— На открытых участках заметим смещение в доли миллиметра. В породе — только по деформации креплений и сейсмическим датчикам.

— А если он попытается подняться?

Орлов указал на трёхкилометровый контур под слоями грунта.

— Тогда точность измерений перестанет быть нашей главной проблемой.

Лаура подошла к схеме неизвестной системы. Три кольца, показанные кораблём, восстановили по памяти Софии и данным переносного переводчика. Первое и второе были замкнуты; в третьем сохранялось несколько разрывов.

— Вчера готовность выросла почти вдвое, — сказала Лаура. — Она работает быстрее, чем мы предполагали.

— Мы не знаем, что означает процент, — напомнил Уокер.

— Но знаем, что каждый рост совпадает с импульсом по всему корпусу.

— Совпадение ещё не доказывает, для чего она предназначена.

— Вы говорили то же самое о ложном голосе.

София вывела все переводы, связанные с системой:

ИЗМЕНЕНИЕ НАГРУЗКИ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОПОРЫ.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ.

ДОСТУП К ФУНКЦИИ НЕ РАЗРЕШЁН СРЕДЕ.

— Если «среда» означает нас, — сказал Эстебан, — корабль не хочет, чтобы люди управляли этой системой.

— Или считает нас неспособными сделать это безопасно, — добавила Лаура.

— Для меня разница несущественна, — сказал Уокер. — Неизвестный носитель восстанавливает функцию, способную перемещать объект длиной три километра. Она не сообщила о своих намерениях и не ответила на запросы.

— Мы не установили с ней контакт.

— Она стояла за вами и предпочла исчезнуть.

— Возможно, потому что за мной шли двое вооружённых людей.

Один из охранников едва заметно напрягся. Уокер остался невозмутим.

— Оружие оставалось в кобурах.

— Она могла не знать ваших правил.

— Она знает языки, структуру раскопа, наши документы и маршруты. Не изображайте её беспомощным посетителем.

На корабельной схеме чернел закрытый участок.

— Я её не изображаю. Я пытаюсь понять, почему она позволила мне увидеть себя.

Глубоко внутри корпуса женщина стояла перед раскрытым третьим кольцом.

Этот разговор она напрямую не слышала. Корабль передавал ей только выбранные сведения: расширение внешней зоны безопасности, вывод персонала, установку механических измерителей и повторяющийся запрос людей о назначении восстанавливаемой системы.

Ответа на последний запрос протокол не предусматривал: контакт с земной цивилизацией ещё не был подтверждён, а назначение системы взлёта оставалось закрытым до завершения внешней оценки.

Перед женщиной висела объёмная модель корабля. Большая часть корпуса всё ещё упиралась в породу. Над верхней поверхностью лежали слои грунта, прорезанные человеческими шахтами, креплениями и пустотами раскопа.

Подъём корпуса был запрещён.

Даже минимальная тяга могла разрушить выработки, обрушить грунт и убить людей, оставшихся внизу.

На интерфейсе горели ограничения:

ТЯГОВЫЙ КОНТУР ЗАБЛОКИРОВАН.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ КОРПУСА ЗАПРЕЩЕНО.

ДОПУСТИМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА БЕЗ МЕХАНИЧЕСКОГО УСИЛИЯ.

Женщина снова проверила распределение нагрузки.

Первое кольцо отвечало за синхронизацию энергии по длине корпуса. Второе удерживало фазу между независимыми опорными узлами. Третье должно было связать их с системой, способной создать направленное усилие при взлёте.

После древней катастрофы именно третий контур потерял непрерывность.

Корпус восстановил форму, внутренние системы сохранили энергию, архивы пережили миллионы лет. Но без исправного третьего контура подъём оставался невозможен.

Женщина замкнула ещё один разрыв.

Свет прошёл по кольцу и остановился перед последним повреждённым участком.

ГОТОВНОСТЬ СИСТЕМЫ ПОДЪЁМА — 61 ПРОЦЕНТ.

Для продолжения требовалось испытать восстановленную часть под нагрузкой — не тягой, а энергией.

Она выбрала минимальный режим, который корабль рассчитал с учётом человеческих сооружений, электросетей и людей в окружающей породе.

Интерфейс предупредил:

ВОЗМОЖНО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ СИСТЕМЫ СРЕДЫ.

Женщина снизила мощность ещё на двенадцать процентов.

Корабль пересчитал результат.

ПРОВЕРКА ДОСТАТОЧНА.

Она не запускала цикл сразу. На внешней схеме ещё двигались две группы людей: одна покидала нижнюю площадку, вторая снимала оборудование с южной шахты. Женщина ждала, пока обе выйдут из зоны максимальной индукции.

В командном модуле Орлов первым заметил, что импульсы перестали нарастать.

— Активность стабилизировалась.

— Она прекратила работу? — спросил Уокер.

— Энергия остаётся в контуре, но не растёт.

На карте эвакуации последний транспорт двигался к внешнему лагерю.

— Она ждёт.

— Чего? — спросил Эстебан.

— Пока мы уберём людей.

— Или система просто завершает подготовку, — возразил Уокер.

— Одно не исключает другое.

Через восемь минут последний рабочий покинул южную шахту.

В ту же секунду третий контур принял нагрузку.

Сначала погас свет.

Не только в командном модуле. Погасли прожекторы раскопа, жилые блоки, внешние посты и полоса освещения вдоль железнодорожной ветки. Темнота накрыла площадку одновременно, без обычной последовательности отключения секций.

Аварийные лампы вспыхнули через две секунды и сразу стали тусклыми.

Защитные реле щёлкнули.

— Земная сеть отключилась, — сказал Орлов.

На автономном столе продолжали работать три механических прибора и один экранированный регистратор. Остальные экраны покрылись помехами.

Внутреннюю связь забил низкий треск.

Стрелки компасов повернулись, описали почти полный круг, дрогнули и замерли в разных направлениях — не к северу и не к кораблю.

Марк отступил от стола.

— Это уже не похоже на обычное отключение.

Орлов открыл крышку механического магнитометра. Перо прибора ударило в ограничитель.

— Поле растёт.

Из глубины земли пришёл звук — не удар и не грохот, а низкая нота, возникшая сразу под всем раскопом, слишком глубокая для человеческого слуха. Её ощущали грудной клеткой, зубами и поверхностью столов.

Металлические предметы задрожали. По стене сдвинулся незакреплённый инструмент; вода в стакане на краю стола пошла кругами, но сам стакан устоял.

— Сейсмика? — спросил Уокер.

Орлов сверился с автономным барабанным регистратором.

Линия колебалась ровно, без резкого фронта землетрясения.

— Нет разрыва породы. Источник работает непрерывно по всей длине объекта.

— Он движется?

— Пока не вижу.

За пределами модуля люди вышли на открытые площадки.

Над Патагонией появилось свечение.

Сначала узкая бледная дуга пересекала небо с запада на восток. Затем над ней возникли ещё две. Они не походили на лучи прожекторов: свет находился слишком высоко и менял форму медленнее облаков.

Зелёный оттенок переходил в голубой, потом в почти бесцветный серебристый.

Один из внешних наблюдателей передал по проводной линии:

— Небо светится. Повторяю: над объектом светится небо.

В командном модуле связь оборвалась на середине фразы, а радиоканалы заполнил шум.

На внешних постах погасли спутниковые терминалы, навигационные приёмники потеряли координаты. За сотни километров от раскопа диспетчеры отметили сбой радиосвязи и отклонения магнитных датчиков.

Защитная автоматика электросетей на юге Аргентины и в соседних районах Чили начала отсекать длинные линии. Наведённый ток не разрушал оборудование, но система воспринимала его как аварию. Сети распались на изолированные участки, и тысячи домов на несколько минут остались без света.

В обсерваториях магнитометры одновременно записали короткий импульс, источник которого не совпадал ни с солнечной активностью, ни с известной грозой.

Спутник наблюдения прошёл над Южной Атлантикой и зафиксировал увеличение свечения верхней атмосферы над Патагонией.

Военные системы раннего предупреждения зарегистрировали мощное электромагнитное событие под землёй, но не обнаружили ни запуска ракеты, ни движения воздушного объекта, ни теплового выброса. Тревоги от этого не стало меньше.

В Буэнос-Айресе Даниэль остановился возле витрины, когда уличные экраны одновременно сменили изображение.

Экстренный выпуск начался без заставки.

Ведущая сообщила о сбоях в энергосетях на юге страны и необычном свечении над районом раскопа. На экране появились любительские записи: чёрный горизонт, дуги света и погасшие прожекторы.

Люди на тротуаре замедлили шаг. Кто-то направил телефон на уличный экран; другие начали звонить родственникам. Несколько человек почти одновременно произнесли слово «корабль».

Даниэль сразу понял, что происходит. В переданную ему структуру миссии входила именно такая последовательность: проверка энергетического контура без применения тяги, локальное нарушение электромагнитной среды, подтверждение непрерывности системы.

Он не знал, когда женщина начнёт испытание. Теперь стало ясно: система взлёта приблизилась к готовности.

На экране появился военный эксперт. Он говорил о возможном импульсном оружии и необходимости немедленно взять объект под внешний контроль.

Другой специалист утверждал, что свечение могло быть вызвано ионизацией атмосферы, но не мог объяснить источник энергии.

Внизу экрана прошла строка:

ВОЕННАЯ АВИАЦИЯ ПРИВЕДЕНА В ПОВЫШЕННУЮ ГОТОВНОСТЬ.

Даниэль не отходил от экрана. Внешняя оценка ещё не завершилась, но если люди направят оружие к кораблю до попытки контакта, условия миссии изменятся.

Рядом женщина сказала своему спутнику:

— Я же говорила, они что-то запустили.

— Надо было уничтожить его, пока он лежал в земле.

— Там наши люди.

— Если они ещё люди.

Мужчина осёкся, заметив, что Даниэль слушает. Тёмные очки скрывали направление его взгляда.

Через несколько секунд женщина спросила:

— А если это не нападение?

— Тогда пусть объяснят.

Даниэль отметил и этот ответ. Требование объяснить неизвестное само по себе не было агрессией. Желание уничтожить его до объяснения — было.

На раскопе энергетический импульс достиг максимума.

Лаура упёрлась ладонью в край стола. Низкая вибрация усилилась, но пол оставался неподвижным, а стрелка механического уровня не отклонилась.

— Оптические метки? — спросила она.

Орлов переключил проводную линию на наружные посты. Ответ пришёл с задержкой и сильным треском.

— Северная отметка без смещения. Центральная без смещения. Южная... ожидайте.

После короткой паузы из динамика донеслось:

— Южная без смещения. Корпус не движется.

— Тогда что создаёт поле? — спросил Уокер.

— Система набирает энергию, но механический выход заблокирован. Это испытание контура на месте.

— Откуда вы знаете?

— Потому что при такой мощности даже ничтожное усилие уже изменило бы нагрузку на крепление. Механические датчики этого не показывают.

На барабанном регистраторе появилась новая линия поверх низкочастотной вибрации — серия коротких равных импульсов.

Орлов пересчитал интервалы.

— Три узла включаются последовательно. Похоже на проверку синхронизации.

София проследила последовательность по схеме колец.

— Первое. Второе. Третье. Значит, это всё-таки система перемещения?

— Она проверяет контур, который должен распределять усилие по всему корпусу. Для внутреннего транспорта такая мощность не нужна.

Уокер связался с Ибаррой по резервной проводной линии.

Министр находился в защищённом центре связи. За его спиной работали люди в военной форме, а на отдельных экранах отображались запросы иностранных государств.

— Объект не движется, — сказал Орлов. — Теплового выброса и сейсмического разрушения нет. Идёт энергетическая проверка системы, охватывающей весь корпус.

— Назначение?

— Вероятнее всего, это подготовка к созданию подъёмного усилия, — сказал Орлов.

— Вы утверждаете, что корабль готовится взлететь? — спросил министр.

— Я утверждаю, что восстанавливается система, без которой такой корабль не смог бы взлететь. Это не одно и то же.

— Насколько она готова?

— Мы не видим внутренний показатель.

Ибарра одновременно слушал ещё один канал: оттуда требовали немедленно поднять самолёты и установить наблюдение над Патагонией.

— Воздушное пространство уже закрыто, — сказал министр в сторону. — Никаких боевых заходов над объектом.

— Может ли импульс повредить сети или связь? — спросил Ибарра.

— Он уже вызвал защитные отключения, — ответил Орлов. — Пока обратимые. Если мощность будет расти, последствия расширятся.

— Можно остановить?

— Земными средствами — нет. Мы даже не имеем доступа к уровню.

Уокер вмешался:

— Нужно войти внутрь и найти носителя.

— Во время энергетического импульса? — спросил Ибарра.

— Она управляет процессом.

— И именно поэтому вы предлагаете отправить к ней вооружённую группу?

— Предлагаю восстановить контроль.

Лаура наклонилась к микрофону.

— Контроля у нас никогда не было. Сейчас важно не создать угрозу там, где корабль пока не применяет силу.

— Из-за этого «пока» людей и выводят, — ответил Уокер.

Ибарра принял решение быстро.

— Никто не входит в корабль до окончания импульса. Эвакуацию продолжить. Военным постам — наблюдение без приближения. Любое оружие применять только при подтверждённой угрозе жизни.

— А если другой стране покажется, что угроза уже подтверждена? — спросил Эстебан.

— Тогда мне придётся напомнить, что объект находится на территории Аргентины, — сказал Ибарра.

— И если они не согласятся?

— Сегодня ночью у всех будет достаточно причин не проверять, чем именно является этот импульс.

Связь снова покрылась помехами.

Внутри повреждённого узла женщина наблюдала, как энергия проходит через три кольца.

Механический контур оставался заблокирован. Ни один опорный узел не передавал усилие на корпус.

Корабль не пытался подняться.

Вместо этого система проверяла сопротивление, фазовую устойчивость и способность удерживать единый режим на протяжении трёх километров.

Первое кольцо выдержало нагрузку, второе дало отклонение в пределах допуска. Третье начало терять синхронизацию возле последнего разрыва.

Женщина снизила мощность. Интерфейс предложил аварийное прекращение, но она отказалась: для точной диагностики требовалось увидеть, где именно нарушается фаза.

По третьему кольцу пошла волна. Свет дошёл до повреждённого участка, раздвоился и вернулся с задержкой — причина сбоя стала видна.

Внутренняя опора, деформированная при древнем падении, сохранила форму после восстановления корпуса, но её проводящий слой сместился относительно соседнего узла. Разрыв был меньше толщины человеческого пальца.

Для человеческой машины такое отклонение могло оказаться незначительным.

Для системы, распределяющей усилие по трёхкилометровому корпусу, оно разрушало синхронизацию.

Женщина зафиксировала координаты. Продолжать проверку не требовалось, и она остановила цикл.

В командном модуле низкая вибрация исчезла так быстро, что несколько человек ещё секунду ощущали её внутри тела. Стрелки компасов вернулись к северу, аварийные лампы стали ярче.

На экранах сначала появились горизонтальные полосы, затем карта и журналы систем.

Радиоканалы ожили одновременно; в динамиках смешались голоса внешних постов, диспетчеров, военных и сотрудников связи.

— По одному! — крикнула Эмили. — Все каналы по одному!

Орлов не слушал сообщения — он проверял механические датчики.

Оптические отметки не изменили положения, отвесы сохранили угол, а крепления шахт выдержали вибрационную нагрузку без деформации. Корабль остался там же, где лежал до импульса.

— Движения не было, — сказал Орлов.

— Значит, это не попытка взлёта, — сказал Эстебан.

— Это была проверка системы, которая однажды его обеспечит.

София вывела данные с корабельной границы. Большинство знаков по-прежнему не распознавалось, но одну строку переводчик определил уверенно:

ПРОВЕРКА НЕЗАВЕРШЁННОЙ ФУНКЦИИ.

Рядом возникло новое обозначение:

ВНЕШНЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРПУСА ТРЕБУЕТСЯ ДО ПРИМЕНЕНИЯ УСИЛИЯ.

— Он знает, что зажат породой, — сказала Лаура.

— И не собирается проходить сквозь неё, — сказал Орлов.

— Тогда для настоящего взлёта корабль придётся раскапывать.

— Или он разорвёт всё, что осталось над корпусом.

— Сколько людей находится в зоне возможного обрушения? — спросил Уокер.

— После сегодняшнего вывода — меньше ста внутри основного периметра, — ответила Эмили. — Но инфраструктура, шахты и лагеря всё ещё стоят над частью объекта.

Ибарра услышал перевод по связи.

— Подготовьте расчёт полного освобождения корпуса. Сроки, объём грунта, техника, безопасная зона.

— Это не операция на несколько недель, — предупредил Орлов.

— Я не спрашивал, сколько мне понравится ответ. Подготовьте реальный расчёт.

— Вы уже допускаете взлёт? — спросил Уокер.

— Я допускаю, что неизвестная женщина ремонтирует систему, способную его обеспечить. Не понимать последствий было бы хуже.

Строка о внешнем освобождении оставалась на экране.

Поднять корабль сейчас женщина не могла, но делала всё, чтобы однажды это стало возможным.

В Буэнос-Айресе экстренные выпуски сменяли друг друга.

Свечение над Патагонией показывали с разных ракурсов. На одних записях оно выглядело зелёным, на других белым или синим. Ведущие повторяли, что корабль не покидал землю, но заголовки уже сообщали о «первом запуске» и «начале взлёта».

Даниэль видел, как предположение превращается в факт быстрее, чем специалисты успевают его опровергнуть.

Возле правительственных зданий усилили охрану. Полицейские машины перекрывали часть улиц. Людей просили покинуть площадь, но журналисты и демонстранты продолжали прибывать.

Одни требовали уничтожить объект, другие отвечали призывами не открывать огонь.

Даниэль не пошёл к оцеплению. Он остановился под навесом закрытого киоска и продолжил наблюдать.

Полицейские освобождали площадь без оружия в руках. Они оттесняли людей к соседним улицам, разнимали спорящих и пропускали машины экстренных служб. Один сотрудник помог пожилой женщине пройти между ограждениями. Другой удержал коллегу, когда демонстрант бросил в их сторону пластиковую бутылку.

На большом уличном экране ведущий повторял сообщение аргентинского правительства: движение корабля не зафиксировано, подтверждённой угрозы нет, применение силы не рассматривается.

Через несколько секунд включили мнение иностранного военного эксперта. Он требовал немедленно подготовить превентивный удар, пока объект остаётся под землёй.

Два человеческих ответа на одно событие существовали одновременно.

Женщина провела энергетическую проверку системы. Она не применила тягу и, насколько Даниэль мог судить, не причинила людям прямого вреда. Но одного свечения над Патагонией оказалось достаточно, чтобы часть человечества заговорила об уничтожении корабля.

Другая часть требовала не стрелять.

Его задача не изменилась. Проверять, способны ли люди бояться, не требовалось: страх был естественной реакцией. Важно было другое — что они делали после него.

Возле противоположного края площади остановился тёмный автомобиль.

Двое мужчин внутри смотрели не на экран и не на демонстрантов. Один сравнивал лица прохожих с изображениями на планшете. Второй следил за входами в метро.

Даниэль видел этих людей раньше: они уже искали его возле кафе.

Подготовленная земная личность больше не делала его незаметным.

Он мог позволить себя задержать. Тогда люди получили бы возможность задавать вопросы, а он — увидеть действия государства изнутри.

Но это перестало бы быть независимым наблюдением. Каждый разговор проходил бы под охраной, каждый ответ готовили бы люди, знающие, что их оценивают.

Такое наблюдение потеряло бы ценность.

Даниэль смешался с группой журналистов, покидавших площадь. Он шёл в темпе толпы и по отражениям в витринах видел, как один из мужчин вышел из автомобиля.

На перекрёстке поток людей разделился. Даниэль направился к подземному переходу; этот маршрут корабль заранее показал через «Зеркало расстояний».

За спиной раздалась команда:

— Мужчина в тёмной куртке! Остановитесь!

Несколько прохожих обернулись одновременно. Даниэль тоже повернул голову, повторив их движение, но продолжил идти вместе с толпой.

У входа в метро полицейский удерживал створку, чтобы через неё прошла женщина с детской коляской. Даниэль пропустил её вперёд. Преследователь потерял несколько секунд, обходя людей у турникета.

Поезд уже стоял у платформы.

Даниэль вошёл в вагон в середине потока пассажиров. Двери закрылись, когда мужчина с площади спустился на платформу.

Они увидели друг друга через стекло. Преследователь поднял радиостанцию, а Даниэль не отвёл глаз, пока поезд не ушёл в тоннель.

Он не воспринимал случившееся как победу. Люди нашли его быстрее, чем предполагала подготовленная модель; их системы наблюдения работали хорошо, а сотрудники пока не применили оружие. Оба факта имели значение.

На экране вагона продолжали показывать свечение над Патагонией. Под изображением двигалась строка: «ВЛАСТИ ПРИЗЫВАЮТ НЕ РАСПРОСТРАНЯТЬ НЕПРОВЕРЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ».

Пассажир рядом читал ту же строку и отправлял знакомым сообщение о том, что корабль уже поднялся из-под земли.

Даниэль наблюдал, как предупреждение о слухах само становилось частью нового слуха.

Он вышел через три станции, сменил линию и покинул метро в другом районе.

Оказавшись достаточно далеко от площади, Даниэль остановился у карты города.

Женщина продолжала готовить корабль к одному из двух исходов. Даниэлю предстояло определить, к какому приведёт его оценка человечества.

Оценка ещё не была завершена.

Тем временем под землёй женщина завершила анализ повреждения.

Последний разрыв третьего кольца был локализован. Для ремонта требовалось изменить положение внутренней опоры, не затрагивая корпус и окружающую породу.

На интерфейсе появились результаты:

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ЗАВЕРШЕНА.

МЕХАНИЧЕСКОЕ УСИЛИЕ НЕ ПРИМЕНЯЛОСЬ.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ КОРПУСА НЕ ПРОИЗОШЛО.

ГОТОВНОСТЬ СИСТЕМЫ ПОДЪЁМА — 68 ПРОЦЕНТОВ.

ВНЕШНЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРПУСА ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Женщина закрыла отчёт.

Корабль всё ещё лежал под землёй и не сдвинул ни одного камня над корпусом.

Но впервые за шестьдесят пять миллионов лет его система взлёта снова выдержала энергетическую нагрузку, для которой была создана.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Через девятнадцать минут после завершения энергетической проверки на раскопе восстанавливали первую внешнюю линию электроснабжения.

Свет возвращался отдельными участками. Сначала заработали медицинский модуль и проводная связь. Затем вспыхнули аварийные полосы вдоль главной шахты. Прожекторы на поверхности включали по одному, проверяя защиту каждой линии перед подачей нагрузки.

Корабль не двигался.

Механические уровни сохранили прежнее положение. Оптические отметки на открытых участках корпуса не сместились даже на долю миллиметра. Крепления в шахтах выдержали вибрацию, а сейсмические станции не обнаружили ни разрыва породы, ни перемещения огромной массы под землёй.

Это должно было успокоить команду.

Не успокоило.

Энергия прошла через весь трёхкилометровый корпус. Незнакомая система выдержала нагрузку, которую земные приборы не могли точно измерить. На юге Аргентины ещё восста-

навливали отключившиеся линии связи. Военные спутники продолжали передавать запросы о происхождении атмосферного свечения. Несколько государств подняли разведывательные самолёты, хотя аргентинская сторона потребовала не приближаться к закрытой зоне.

В командном модуле стоял запах перегретой изоляции.

Орлов снимал данные с автономных регистраторов. София сравнивала последовательность импульсов с моделью трёх колец. Эмили восстанавливала журналы систем, выключившихся во время электромагнитного воздействия.

Уокер говорил по проводной линии с внешними постами.

— Вооружённые группы остаются за вторым периметром, — приказал он. — Никто не спускается без письменного разрешения. Любое перемещение внутри корабля подтверждать двумя наблюдателями.

Он закончил разговор и повернулся к Орлову:

— Повторный запуск возможен?

— Возможен любой запуск, о котором нас не предупредят.

— Мне нужен технический ответ.

— Тогда нет. Не в ближайшие минуты. Контур сбрасывает остаточную энергию.

На экране перед Орловым медленно снижалась кривая. Она ещё находилась выше обычного уровня, но резких скачков больше не было.

Лаура стояла у пассивной карты корабля.

После испытания профиль Ж-1 не появился. Женская метка исчезла в неисследованной части объекта ещё до запуска. Система показывала восстановленный контур, распределение энергии и закрытые маршруты, но не человека, который всем этим управлял.

— Она провела испытание после завершения эвакуации, — сказала Лаура.

Уокер отложил гарнитуру.

— Мы уже обсуждали это.

— Последняя группа покинула южную шахту, и через несколько секунд начался цикл.

— Система могла отслеживать движение персонала самостоятельно.

— Могла. Но систему запускала Ж-1.

— Вы этого не видели.

— Мы знаем её задачу. Восстановление функции корабля.

— Мы знаем перевод нескольких знаков, связанных с её профилем.

— И видели её возле этой системы.

— Вы видели отражение, которого нет ни на одной записи.

Лаура отвернулась от карты.

— Я знаю, что видела.

Уокер не стал повторять прежнюю формулировку о неподтверждённом визуальном контакте. Он посмотрел на неё несколько секунд, затем сказал:

— Именно поэтому вы не спускаетесь одна.

На одном из экранов появилась новая отметка.

Орлов заметил её первым.

— Остаточная нагрузка переместилась.

София увеличила схему.

Тонкая линия отделилась от третьего кольца и ушла к центральному техническому уровню. Она не несла мощности, сравнимой с недавним испытанием. Скорее система отводила энергию от восстановленного узла.

— Куда она ведёт? — спросил Эстебан.

— В знакомую часть корабля, — ответила София. — Коридор между медицинским уровнем и Вертикальной дорогой.

Лаура сразу вспомнила это место.

Там корабль создал её голос в пустом воздухе.

Там система впервые показала, что способна воспроизводить присутствие человека без самого человека.

Уокер тоже узнал координаты.

— Техническая причина?

Орлов вывел температурный график.

— Один из внутренних каналов нагрелся на четыре градуса. Температура не опасная, но растёт неравномерно. Возможно, контур сбрасывает энергию через ближайшую проводящую структуру.

— Может повредить корабль?

— Я не знаю.

— Людей?

— Пока нет. Но если канал продолжит нагреваться, земные кабели и датчики рядом с ним могут выйти из строя.

Эстебан посмотрел на карту эвакуации.

— На уровне кто-нибудь остался?

— Два автономных поста и проводная линия, — ответила Эмили. — Людей нет.

— Тогда сначала приборы.

Уокер покачал головой.

— После появления Ж-1 автономным приборам недостаточно доверять. Нужна визуальная проверка.

— Вы хотите отправить группу в корабль через двадцать минут после импульса? — спросила Сара.

— Небольшую. Без приближения к неизвестному контуру.

— Нам неизвестно, где заканчивается его воздействие.

Орлов закрыл один из графиков.

— Если не проверить канал, мы не узнаем, продолжает ли система ремонт или просто отводит остаточную энергию.

Ибарра подключился по восстановленной защищённой линии. Изображение постоянно распадалось на полосы, поэтому министр оставил только звук.

— Состав группы? — спросил он.

Эстебан назвал себя, Софию, Орлова и Лауру.

Уокер добавил двух сотрудников безопасности.

— Лаура остаётся в центре группы, — сказал он. — Никаких самостоятельных перемещений. При любом изменении маршрута возвращаетесь.

— А если система заблокирует обратный путь? — спросил Марк.

— Тогда используем проводную линию и ждём восстановления.

— Внутри корабля, который только что вывел из строя связь на сотни километров?

Уокер посмотрел на него.

— Предложите лучший вариант.

Марк не предложил.

Перед спуском Сара проверила каждого дважды. Электронные датчики заменили механическими индикаторами температуры, химическими полосками и автономными часами. Камеры на костюмах оставили, но никто не рассчитывал, что они переживут новый импульс без помех.

Лауре закрепили на запястье резервную катушку проводной связи.

— Не уходи дальше длины кабеля, — сказала Сара.

— Я не собираюсь никуда уходить.

— Последние события показывают, что твои намерения не всегда определяют маршрут.

Эстебан услышал и посмотрел на Лауру.

Она ничего не ответила.

Главный вход корабля встретил группу обычным белым светом.

После внешней темноты он казался почти резким. Световые линии вдоль пола обозначили путь к Вертикальной дороге. Система не предлагала альтернативных маршрутов и не показывала запрещающих знаков.

Уокер шёл первым с переносным механическим термометром. За ним — один из охранников, Орлов и София. Лаура двигалась между Эстебаном и вторым сотрудником безопасности.

Внутри корабля не ощущалось последствий испытания.

Стены сохраняли прежнюю температуру. Воздух не пах озоном или горелым материалом. Пол оставался неподвижным. Только едва заметная вибрация проходила через подошвы через равные промежутки.

Орлов остановился и приложил к поверхности стрелочный прибор.

— Остаточная частота, — сказал он. — Снижается.

— Связана с третьим кольцом? — спросила София.

— Скорее со всем корпусом. Он возвращается в обычный режим.

Вертикальная дорога приняла маршрут не сразу.

Свет внутри шахты вспыхнул, погас и появился снова. На стене возникли три обозначения, два из которых переводчик не распознал.

— Что это? — спросил Уокер.

София сравнила их с прежними записями.

— Первый знак означает ограничение мощности. Второй похож на техническое обслуживание. Третий мне неизвестен.

— Маршрут безопасен?

— Система не показывает запрета.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Эстебан вошёл в световую кабину первым. Остальные последовали за ним.

Перемещение заняло обычное время. Ни ускорения, ни изменения давления группа не почувствовала. Однако перед остановкой лампы на костюмах на секунду погасли.

Когда двери открылись, технический уровень освещала только одна полоса вдоль пола. Остальные линии были тёмными.

— Раньше здесь работало полное освещение, — сказала Лаура.

— После испытания система экономит энергию? — предположил один из охранников.

Орлов посмотрел на прибор.

— При запасе корабля это не экономия. Скорее изоляция маршрута.

Проводная катушка разматывалась за группой. Красный кабель лежал на тёмном полу единственным земным следом.

До нагретого участка оставалось сто двадцать метров.

На первом повороте Уокер остановил группу. В стене пульсировала тонкая линия, которой раньше не было. Свет проходил под поверхностью, словно энергия двигалась внутри металла по скрытому каналу.

Орлов измерил температуру.

— На три целых восемь выше фона.

— Растёт?

— Нет. Уже снижается.

София подняла переводчик. На экране появились отдельные значения:

ОТВОД.

ВЫРАВНИВАНИЕ.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОВЕРКИ.

— Значит, аварии нет, — сказал Эстебан.

Уокер не убрал руку с кобуры.

— А Ж-1?

— Система не показывает биологической метки.

— Она перестала показывать её сразу после формирования.

Лаура посмотрела на тёмную стену. За ней мог находиться технический маршрут, по которому женщина прошла к повреждённой системе. Люди не знали, где он начинался и как открывался.

— Она может быть рядом, — сказала Лаура.

Первый охранник развернул переносной сканер.

— Тепловых объектов нет.

— В отражении её тоже не было на приборах.

— Поэтому и проверяем визуально.

Они двинулись дальше.

Коридор, где корабль создал голос Лауры, находился за следующим поворотом. На стене ещё сохранялась земная метка ПС-17 — небольшой прямоугольник с номером и временем установки микрофонов.

После расследования аппаратуру оставили на месте.

Теперь оба микрофона не работали.

Орлов открыл защитный корпус первого прибора. Внутри расплавился тонкий провод.

— Наведённый ток, — сказал он. — Земная электроника приняла часть импульса.

— Можно восстановить? — спросил Эстебан.

— Прибор — да. Запись за последние минуты — нет.

София проверила второй микрофон.

— То же самое.

Уокер приказал охранникам осмотреть оба направления коридора. Один остался у группы. Второй дошёл до дальнего поворота и вернулся.

— Чисто.

Орлов указал на стену справа.

— Максимальная температура за ней.

На поверхности не было панели, двери или видимой линии доступа. Только гладкий тёмный металл, в котором слабо отражались фигуры людей.

Лаура увидела собственное лицо.

На этот раз за её спиной никого не было.

— Устанавливаем механический датчик и возвращаемся, — решил Эстебан. — Повторная проверка через час.

Орлов достал из контейнера магнитный термометр, но крепление не прилипло к поверхности.

— Материал снова не принимает обычный магнит.

— Используй опору.

Складную стойку поставили в полутора метрах от стены. Орлов выровнял её по механическому уровню. София записала начальное значение на бумаге.

В этот момент световая полоса вдоль пола погасла.

Тьма наступила без перехода.

Лампы на костюмах включились автоматически, но сразу замерцали.

В наушнике Лауры прошёл резкий треск.

— Проверка связи, — сказал Эстебан.

Его голос звучал одновременно рядом и с задержкой в гарнитуре.

— Слышу, — ответила София.

— Слышу, — сказал Орлов.

Охранники подтвердили почти вместе.

Лаура нажала клавишу передачи.

В наушнике остался только шум.

— У меня связь не работает.

Эстебан находился в нескольких метрах и услышал её без гарнитур.

— Не двигайся.

По стене прошёл световой импульс. Он возник за спиной группы и направился к дальнему повороту.

Механический термометр на стойке резко отклонился.

— Температура падает, — сказал Орлов. — Канал закрылся.

Второй импульс прошёл по противоположной стене.

На полу появилась короткая белая линия, отделившая Лауру от остальных.

— Назад, — приказал Уокер.

Лаура сделала шаг к Эстебану.

Линия поднялась с пола и превратилась в прозрачную перегородку.

Она возникла не ударом и не движением механической двери. Воздух между людьми просто изменил плотность. Фигуры Эстебана и Софии исказились, будто Лаура смотрела на них через толстое стекло.

Эстебан приблизился к границе.

— Лаура, оставайся на месте.

Она слышала его напрямую, но слова приходили приглушёнными.

Уокер указал охраннику проверить край перегородки. Тот сделал два шага вдоль неё.

Свет в коридоре вспыхнул.

На секунду всё стало белым.

Лаура закрыла глаза.

Когда она снова увидела стены, группа находилась за перегородкой, а рядом с ней открывался короткий боковой проход.

Его не было минуту назад.

— Лаура! — крикнул Эстебан.

Она повернулась к нему.

Перегородка начала темнеть, скрывая людей.

Лаура шагнула к ней, но поверхность стала непрозрачной. Провод связи на её запястье натянулся. Красный кабель уходил прямо в стену, хотя ещё несколько секунд назад лежал на полу.

Она дёрнула его.

Катушка не поддалась.

— Эстебан!

Ответа не было.

Лаура активировала аварийный фонарь. Луч осветил прежний коридор с одной стороны и неизвестный короткий проход с другой.

Она не собиралась идти в него.

Сара предупреждала не уходить дальше длины кабеля. Уокер приказал не отделяться от группы. Эстебан сказал оставаться на месте.

Лаура сделала шаг назад, проверяя стену, за которой исчезли остальные.

Сзади послышалось движение.

Не работа механизма.

Шаг.

Лаура резко повернулась и столкнулась с человеком.

Удар пришёлся плечом в плечо. Чужая рука мгновенно перехватила её предплечье, не давая потерять равновесие.

Лаура отступила на полшага.

Перед ней стояла женщина.

Та самая.

Не отражение. Не изображение на экране. Не модель лица, которую корабль создавал перед формированием Ж-1.

Живой человек находился так близко, что Лаура видела тонкие линии внутри золотых радужек.

Цвет не был похож на янтарный. Свет словно задерживался в глазах и возвращался металлическим отблеском. Зрачки оставались человеческими, но вокруг них расходился рисунок, которого не мог создать обычный пигмент.

Женщина отпустила её руку.

Лаура почувствовала тепло пальцев даже через ткань костюма.

У незнакомки было дыхание. Грудная клетка поднималась с обычным человеческим ритмом. На шее бился пульс. Тёмная одежда выглядела земной, но на ткани не было швов, застёжек или знаков производителя.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Женщина заговорила первой:

— Не поднимай тревогу. Я пытаюсь спасти этот корабль.

Голос был спокойным. Испанский — без акцента.

Лаура не коснулась кнопки аварийного сигнала.

— Кто вы?

— Пока — никто из тех, кого вы ждёте.

— Ж-1?

В золотых глазах появилось едва заметное изменение. Не удивление. Скорее признание знакомого обозначения.

— Так меня назвала ваша система наблюдения.

— Это не ваше имя?

— Нет.

Лаура прислушалась. За тёмной перегородкой не было слышно ни Эстебана, ни Уокера.

— Вы были в отражении.

— Я не собиралась показываться.

— Но сейчас стоите передо мной.

— Сейчас это необходимо.

— Почему?

Женщина посмотрела на стену, за которой проходил энергетический канал.

— Люди неправильно поняли испытание.

— Тогда объясните.

— Корабль не пытался двигаться. Механический контур был заблокирован до начала проверки. Я ждала, пока люди покинут опасные участки.

— Мы это предположили.

— Не все.

— Вы знаете, что происходит снаружи?

— Корабль получает часть открытых сообщений и фиксирует действия вокруг себя. Военные системы изменили режим. Несколько государств готовятся к воздействию на объект.

— Они испугались импульса.

— Страх не является нападением.

— Значит, вы это понимаете?

— Я должна различать их.

Лаура посмотрела на её лицо.

— Вас создали для контакта?

— Для его подготовки.

— А Даниэля?

— Для оценки внешней среды.

— Вы знаете, где он?

— Нет.

Ответ последовал сразу.

— Вы не можете с ним связаться?

— Наши задачи разделены. Он не знает, насколько продвинулось восстановление. Я не знаю его текущего вывода.

— Зачем?

— Чтобы один результат не изменял другой.

Лаура вспомнила устройство без связи, которое корабль мог подготовить мужчине, маршруты через аэропорт и город, отдельные обозначения М-1 и Ж-1.

— Вы действительно не те, кто прибудет?

— Нет.

— Тогда кто вы?

— Переданные сознания в телах, пригодных для вашей среды.

Лаура невольно посмотрела на её руки, лицо, шею.

— Тела человеческие?

— Настолько, насколько это было необходимо.

— Кровь, органы, кости?

— Да.

— А глаза?

Женщина задержала взгляд на Лауре.

— Полное сходство было бы обманом.

Ответ прозвучал неожиданно.

— Значит, золотой цвет оставили намеренно?

— Мы должны иметь возможность находиться среди людей. Но не должны утверждать, что являемся людьми.

— Даниэль скрывает глаза.

— Скрывает отличие, но не уничтожает его. Это разные действия.

Где-то за стеной раздался глухой удар.

Эстебан или охранники пытались найти проход.

Женщина посмотрела в ту сторону.

— У нас мало времени.

— Тогда скажите, что вы ремонтируете.

— Повреждение, из-за которого корабль остался здесь.

— Систему перемещения?

— Это один из ваших переводов.

— Систему взлёта?

Она не ответила сразу.

Лаура поняла по паузе.

— Испытание было проверкой двигателя.

— Не двигателя в вашем понимании. Корабль не создавал тягу. Он проверял распределение энергии по структуре, которая должна удерживать корпус во время подъёма.

— Значит, он сможет взлететь.

— Если я закончу работу.

Лаура почувствовала, как напряжение меняет дыхание.

— Он находится под землёй.

— Я знаю.

— Над ним сотни метров породы. Шахты, крепления, люди. Он не может просто подняться.

— Сейчас не может.

— А потом?

— Перед движением корпус должен быть физически освобождён. Иначе подъём разрушит окружающую среду и корабль не применит тягу.

Это было первое объяснение, которое не превращало технологию в чудо.

Никакого поля, раздвигающего землю. Никакого прохождения сквозь породу.

Корабль оставался машиной, какой бы невероятной она ни была. Для взлёта ему требовалось пространство.

— Тогда зачем ремонтировать его сейчас?

— Потому что освобождать корпус имеет смысл только в том случае, если корабль способен уйти.

— Уйти куда?

— Туда, где он снова сможет выполнить своё назначение.

— На ваш мир?

— Возможно.

— Вы не знаете?

— Решение ещё не принято.

Лаура вспомнила обозначения, которые система показывала возле профилей двух посланников. Наблюдение. Оценка. Подготовка прибытия.

— Решение зависит от Даниэля.

— Его оценка является частью решения.

— А другая часть?

Женщина посмотрела прямо на неё.

— Контакт внутри корабля.

— Со мной?

— С людьми, которых вы представляете.

— Я не представляю человечество.

— Никто один не представляет.

— Тогда как вы собираетесь вынести решение?

— Так же, как вы принимаете решения о неизвестном. По неполным данным, последствиям и способности исправить ошибку.

Лауре не понравился ответ именно потому, что он был слишком человеческим.

— Если Даниэль решит, что мы опасны, корабль улетит?

Женщина не подтвердила и не опровергла.

— Я возвращаю кораблю возможность выбора.

— Остаться или покинуть Землю?

— Да.

За перегородкой снова ударили по стене. На этот раз вслед за ударом прошёл голос Эстебана, искажённый материалом:

— Лаура!

Она повернула голову.

— Они найдут способ пройти.

— Нет, — сказала женщина. — Корабль откроет путь через двадцать семь секунд.

— Почему двадцать семь?

— Остаточная энергия должна уйти из канала.

— Значит, вы не запирали нас намеренно?

— Перегородка защищает людей от участка, который ещё не стабилизировался.

— Но вы использовали её, чтобы поговорить со мной.

— Да.

Лаура снова посмотрела на золотые глаза.

— Вы знали, что я окажусь здесь?

— Я знала, что группа придёт проверять нагрев. Не знала, кого отделит защитная линия.

— И случайно оказалась рядом?

— Нет.

— Вы выбрали меня.

— После того как увидела, кто остался с этой стороны.

Лаура вспомнила обозначение Л-1.

— Из-за моей связи с кораблём?

Женщина ответила не сразу.

— Не только. Я наблюдала за тем, как вы принимаете решения. Вы пытаетесь понять действие прежде, чем остановить его.

— Не всегда.

— Достаточно часто.

— А другие?

— У них другие обязанности.

— Уокер отвечает за безопасность.

— Я знаю.

— И оружие он ещё ни разу не применил.

— Я это также знаю.

— Тогда почему скрываетесь от него?

— Потому что его первым действием будет ограничение моего движения. Моё первое действие при ограничении — прекращение контакта. Мы получим предсказуемый результат и ничего не узнаем друг о друге.

Лаура не могла назвать эту логику неверной.

— Вы хотите, чтобы я скрыла встречу.

— Я не могу требовать от вас лжи.

— Но рассчитываете, что я не подниму тревогу.

— Вы её не подняли.

— Пока.

— Этого достаточно.

— Нет. Мне нужны ответы.

— Некоторые ответы изменят ваше поведение до завершения оценки.

— Вы уже изменили наше поведение своим появлением.

— Поэтому я говорю только то, что необходимо для предотвращения ошибки.

— Какой ошибки?

— Попытки остановить ремонт силой.

— Что произойдёт, если мы вмешаемся?

— Восстановленный участок может снова потерять синхронизацию.

— Будет взрыв?

— Нет.

— Погибнут люди?

— Не от повреждения контура.

— Тогда чего вы опасаетесь?

Женщина впервые отвела взгляд.

— Корабль может навсегда потерять возможность подняться.

Лаура ощутила масштаб сказанного не сразу.

Шестьдесят пять миллионов лет объект лежал под Патагонией. Люди вскрывали его, изучали архивы, оживляли древнее существо, запускали неизвестные устройства и спорили о праве распоряжаться найденными технологиями.

Теперь одно неверное действие могло окончательно сделать корабль пленником Земли.

— Вы называете это спасением, — сказала Лаура.

— Да.

— Корабль не живой.

— Я знаю.

— Тогда что именно вы спасаете?

— Его назначение. То, что в нём сохранено. Возможность выполнить последний приказ экипажа и новый приказ тех, кто получил сигнал.

Лаура уловила формулировку.

— Какой новый приказ?

Женщина снова посмотрела на неё.

— Подготовить корабль.

— К прибытию?

— И к другому исходу.

— Какому?

На стене за её спиной появилась тонкая линия.

Женщина сделала шаг к ней.

— Пока вы не должны знать.

— Вы пришли просить доверия и сразу скрываете главное.

— Доверие не является согласием получить все сведения.

— Для людей обычно является.

— Нет. Для людей оно означает принять риск, не имея всех сведений. Я наблюдала это много раз.

Лаура сдержала раздражение.

— У вас есть имя?

Женщина остановилась.

— Обозначение достаточно.

— Для системы. Не для разговора.

— Вы можете использовать Ж-1.

— Не буду.

— Почему?

— Потому что вы стоите передо мной. У вас есть голос, лицо и собственное решение.

Вы не профиль.

В выражении женщины что-то изменилось.

Не улыбка. Скорее неожиданная пауза между расчётом и ответом.

— Имена в моём исходном языке нельзя точно воспроизвести человеческим голосовым аппаратом.

— Тогда выберите земное.

— Система подготовила несколько вариантов.

— Какое выберете?

Женщина на несколько секунд задержала взгляд на световой линии в стене, затем посмотрела на Лауру.

— Элиана.

— Это ваше имя?

— Для этой среды — да.

— Элиана, — повторила Лаура.

Имя изменило расстояние между ними сильнее, чем шаг.

До этого перед Лаурой находилась Ж-1 — созданный кораблём носитель неизвестной цивилизации. Теперь она разговаривала с женщиной, которая выбрала, как её будут называть.

За перегородкой голос Эстебана стал отчётливее:

— Лаура, ответь!

Элиана посмотрела на тёмную стену.

— Путь откроется через восемь секунд.

— Подождите.

— Следующая встреча должна произойти без оружия.

— Я не могу это гарантировать.

— Тогда она произойдёт позже.

— Как мне вас найти?

— Никак.

— Вы сами найдёте меня?

— Если контакт будет необходим.

— Он уже необходим.

— Для вас. Не для миссии.

Лаура шагнула ближе.

— Корабль сможет взлететь?

Элиана не ушла от ответа:

— Если я закончу восстановление и люди освободят корпус.

— Когда?

— Раньше, чем большинство из вас готово это принять.

— Что произойдёт после ремонта?

— Корабль получит возможность остаться или уйти.

— Кто выберет?

— Результат контакта.

— Даниэль?

— Не только он.

— Вы?

— Не только я.

— Тогда кто?

Световая линия за спиной Элианы расширилась.

— Вы.

Прежде чем Лаура успела спросить, кого именно она имеет в виду, стена раскрылась узким вертикальным разрезом.

За ним находился технический проход — не новый отсек и не помещение, а пространство между внутренними структурами корабля. Там шли тёмные каналы, пересечённые световыми линиями. Проход был рассчитан на обслуживание механизмов, а не на обычное перемещение экипажа.

Элиана отступила внутрь.

— Не пытайтесь идти за мной.

- Почему?
- Корабль закрывает маршрут.
- А если не закрывает?
- Вы не сможете пройти там, где система изменит поле.
- Это угроза?
- Предупреждение.
- Перегородка между Лаурой и группой начала светлеть.
- Элиана!
- Женщина задержалась в проходе.
- Даниэль опасен?
- Нет.
- Он способен причинить вред?
- Как и любой человек его размеров и силы.
- Он вернётся?
- Если завершит задачу.
- А если не завершит?
- Тогда решение будет принято без его оценки.
- Какое решение?

Элиана посмотрела на неё в последний раз.

— То, ради которого корабль должен снова уметь летать.

Разрез в стене закрылся.

Ни шва, ни линии не осталось.

Одновременно исчезла защитная перегородка.

Эстебан оказался перед Лаурой первым. Он схватил её за плечи, убедился, что она стоит, и только после этого спросил:

- Ты ранена?
- Нет.

Уокер и охранники прошли мимо неё к боковой стене. Фонари скользили по гладкой поверхности.

— Что произошло? — потребовал Уокер.

Лаура посмотрела туда, где исчезла Элиана.

Никакого прохода не было.

Камера на её костюме не работала. Индикатор записи погас в момент отключения света. Провод связи по-прежнему уходил в стену, но теперь свободно лежал на полу, будто никогда не проходил сквозь материал.

- Система отделила участок, — сказала Лаура.
- Мы это видели. Что находилось с вашей стороны?
- Она встретила взглядом с Эстебаном.

Его лицо ещё сохраняло тревогу. Он не знал, что случилось, но понял, что ответ не будет простым.

- Технический проход открылся на несколько секунд.
- Уокер приблизился.
- Кто-нибудь вышел?

Лаура могла произнести правду одной фразой.

Ж-1 была здесь.

После этого Уокер вызвал бы дополнительные группы. На уровень спустились бы вооружённые сотрудники. Корабль закрыл бы маршруты. Элиана прекратила бы контакт и продолжила ремонт в полной изоляции.

Лаура вспомнила её слова: «Я не могу требовать от вас лжи».

— Когда свет вернулся, проход уже закрывался, — ответила она.

Это не было полной ложью.

Уокер продолжал смотреть.

— Вы видели Ж-1?

— На записи ничего не будет. Камера отключилась.

— Я спросил не о записи.

Эстебан вмешался:

— Сначала выведем группу из нестабильного участка. Допрос проведёте наверху.

— Это не допрос.

— Тогда вопрос подождёт.

Уокер хотел возразить, но Орлов поднял прибор.

— Температура выровнялась. Канал полностью закрылся. Однако на этом уровне остаётся остаточная индукция. Нам лучше уйти до следующего сброса.

Решение принял Эстебан:

— Возвращаемся.

На обратном пути Лаура шла рядом с ним.

Они не разговаривали.

Уокер несколько раз оглядывался, будто ожидал увидеть золотые глаза в каждом отражении. Охранники проверяли повороты и тёмные участки, хотя карта показывала единственный открытый маршрут.

Вертикальная дорога приняла группу сразу.

При подъёме Эстебан приблизился к Лауре настолько, чтобы остальные не слышали.

— Ты что-то видела.

Это не был вопрос.

— Да.

Он не потребовал ответа при всех.

Наверху их встретила Сара. Она проверила Лауру первой, потому что та несколько минут находилась отдельно от группы.

— Пульс повышен.

— Я была за перегородкой.

— Повреждения?

— Нет.

— Потеря сознания?

— Нет.

— Нарушение зрения, слуха, памяти?

— Нет.

Сара направила фонарь ей в глаза.

— Ты уверена насчёт памяти?

Лаура вспомнила золотые радужки, человеческое дыхание и имя, выбранное в тёмном коридоре.

— Уверена.

Уокер потребовал немедленный разбор происшествия. Эстебан отложил его на двадцать минут, сославшись на медицинскую проверку и необходимость снять данные с приборов.

Лаура понимала: времени немного.

Она дождалась, пока Сара разрешит ей покинуть медицинский пост, и нашла Эстебана возле бумажного архива. После ложных записей и утечек здесь хранили важные схемы, журналы входов и решения комиссии. Электронных камер внутри не было — только механический замок и дежурный у двери.

— Нужно поговорить, — сказала Лаура.

Эстебан закрыл папку.

— Я знаю.

Он вывел дежурного наружу и запер дверь изнутри.

Маленькое помещение освещала автономная лампа. На металлических полках лежали бумажные отчёты, появившиеся после того, как земные системы перестали считаться надёжными.

— Она была там? — спросил Эстебан.

— Да.

Он провёл ладонью по лицу.

— Ты разговаривала с ней?

— Несколько минут.

— Почему не вызвала нас?

— Связь не работала. А когда появилась возможность, я не стала поднимать тревогу.

— Почему?

— Потому что она начала с просьбы этого не делать.

— И ты послушалась неизвестное существо, созданное кораблём.

— Она не угрожала мне.

— Это не ответ.

— Она сказала, что пытается спасти корабль.

Эстебан замер.

— От чего?

— От состояния, в котором он не может взлететь.

Несколько секунд он не произносил ни слова.

— Значит, мы были правы.

— Да. Испытание относилось к системе взлёта. Механический контур был заблокирован.

Корабль не собирался двигаться под землёй.

— Откуда она знает, что мы обсуждали?

— Корабль передаёт ей часть данных о наших действиях и внешней реакции.

— Имя?

— Элиана.

— Она сама так представилась?

— Выбрала имя для разговора со мной.

Эстебан опёрся на край стола.

— Расскажи всё с начала.

Лаура рассказала.

О человеческом теле Элианы. О разделённых задачах двух посланников. О том, что Даниэль не может связаться с кораблём до завершения оценки. О ремонте третьего контура. О необходимости физически освободить корпус перед настоящим подъёмом.

Она повторила слова о возможности выбора.

Остаться или уйти.

Эстебан слушал, не перебивая. Только один раз попросил уточнить:

— Она прямо сказала, что корабль покинет Землю?

— Она сказала, что возвращает ему такую возможность.

— Это не одно и то же.

— Но именно ради этого его ремонтируют.

— И решение зависит от контакта.

— Да.

— От Даниэля?

— От его оценки и от того, что происходит здесь.

Эстебан отошёл к полкам.

— Мы должны сообщить комиссии.

— Уокер отправит вооружённую группу.

— Он отвечает за безопасность объекта.

— И Элиана исчезнет. Она сказала, что следующая встреча должна быть без оружия.

— Ты позволила ей поставить условие.

— Она уже внутри корабля. Мы не контролируем её маршруты. Не можем найти её приборами и не способны остановить ремонт. Условия существуют независимо от того, признаём мы их или нет.

— Это всё равно не даёт нам права скрывать контакт.

— Если расскажем сейчас, мы потеряем единственный настоящий разговор с другой цивилизацией.

— Она не другая цивилизация. Она созданный здесь носитель.

— С сознанием, переданным оттуда.

— Мы знаем это только с её слов.

— Корабль показывал то же самое до формирования.

Эстебан посмотрел на закрытую дверь.

— Уокер уже подозревает, что ты что-то скрыла.

— Он подозревает всех.

— На этот раз не без причины.

Лаура приняла упрёк.

— Я не хочу скрывать это надолго.

— Что значит «надолго»?

— До следующего контакта.

— Она может не появиться.

— Появится. Ей тоже нужен результат внутри корабля.

— Или она уже получила всё, что хотела.

— Тогда зачем говорить со мной?

— Чтобы ты защищала её от комиссии.

— Она не просила защиты. Только не вмешиваться в ремонт силой.

Эстебан долго молчал.

Снаружи кто-то прошёл по металлическому переходу. Шаги удалились.

— Что именно ты обещала? — спросил он.

— Ничего.

— Она потребовала молчать?

— Нет.

— Тогда почему мы молчим?

— Потому что сейчас любое сообщение о встрече превратится в операцию по задержанию. Я хочу сначала понять, что произойдёт, если дать контакту состояться без оружия.

— А если за это время она завершит систему взлёта?

— Корабль всё равно не сможет подняться из-под земли.

— Система может иметь другие функции.

— Может.

— Она может использовать её против нас.

— Могла уже сегодня. Вместо этого дождалась эвакуации и провела проверку без тяги.

Эстебан закрыл глаза на секунду.

— Именно это делает ситуацию сложной.

— Потому что она ведёт себя осторожно?

— Потому что осторожному действию легче довериться.

Лаура вспомнила, как много раз они уже говорили почти то же самое о корабле.

— Осторожность может быть настоящей.

— Может.

— И что ты предлагаешь?

Эстебан посмотрел на неё.

— Двенадцать часов.

— Почему двенадцать?

— Потому что мне нужна граница, а не обещание «ещё немного». За двенадцать часов мы анализируем данные, не отправляем вооружённую группу к предполагаемому маршруту и ждём, появится ли Элиана снова. При новом энергетическом запуске или угрозе людям сообщаем Ибарре немедленно.

— Уокеру?

— Сначала Ибарре. Он хотя бы дважды отказался превращать поиск Даниэля в охоту.

Лаура кивнула.

— Хорошо.

— И ещё.

— Что?

— Ты больше не отделяешься от группы.

— Это не я создала перегородку.

— Тогда постарайся не оказаться по нужную сторону следующей.

Несмотря на напряжение, Лаура почти улыбнулась.

Эстебан не улыбнулся.

— Я серьёзно.

— Знаю.

— Теперь нужно решить, что сказать Уокеру.

— Правду о техническом проходе.

— И неправду о женщине.

— Не отвечать на вопрос — не то же самое, что солгать.

— Не начинай.

Лаура отвела взгляд.

— Я скажу, что не могу подтвердить присутствие Ж-1 без записи.

— Это формулировка Уокера.

— Возможно, поэтому она сработает.

Разбор начался через семь минут.

За столом находились Уокер, София, Орлов, Сара, Эмили, Эстебан и Лаура. Ибарра слушал по защищённой линии. Марк оставался у стены с бумажной копией показаний механических приборов.

Уокер начал с отключения света.

Орлов объяснил, что защитная перегородка возникла в момент завершения отвода остаточной энергии. Температура за стеной снизилась до нормы. Никакого повторного запуска не произошло.

София подтвердила перевод:

— Система завершила проверку и закрыла технический канал.

— Почему отделило именно Лауру? — спросил Ибарра.

— Возможно, положение относительно защитной границы, — ответила София. — Она стояла ближе всех к боковому участку.

— Или профиль Л-1, — сказал Уокер.

— Прямого обозначения не было.

Он повернулся к Лауре.

- Что вы видели после появления перегородки?
- Короткий технический проход.
- Куда он вёл?
- Внутрь структуры корабля. Я не успела определить направление.
- Вы вошли?
- Нет.
- Кто-нибудь вышел из него?

Лаура выдержала паузу.

— Камера не работала. Подтверждения у меня нет.

— Я не спрашиваю о подтверждении.

— Тогда сформулируйте вопрос так, чтобы ответ можно было отделить от предположения.

Уокер понял, что она использует его собственный способ разговора.

— Вы видели Ж-1?

— Я видела движение в проходе.

Эстебан не изменился в лице.

— Человеческую фигуру?

— Свет и часть силуэта. Проход закрылся слишком быстро.

Уокер смотрел на неё дольше, чем требовал ответ.

— В отражении вы были уверены.

— Тогда я видела глаза.

— А сейчас?

— Сейчас освещение менялось, камера отключилась, а система искажала пространство коридора. Я не буду выдавать впечатление за установленный факт.

София опустила взгляд к бумагам.

Марк смотрел на Лауру с непонятным выражением. Возможно, он поверил её осторожности. Возможно, заметил, что она никогда раньше не отказывалась от собственной уверенности так тщательно.

Ибарра спросил:

— Есть ли признаки, что ремонт продолжится?

Орлов открыл итоговый график.

— Контур стабилен. Готовность выросла после испытания, но точное значение корабль больше не показывает земным интерфейсам.

— Почему?

— Доступ закрыт для среды.

— То есть для нас.

— Предположительно.

Уокер сказал:

— Незвестный носитель восстановил часть системы взлёта, провёл испытание, скрылся и, возможно, снова контактировал с Лаурой. Я предлагаю заблокировать все маршруты к техническому уровню и разместить вооружённые посты у Вертикальной дороги.

Лаура заговорила раньше, чем Эстебан успел её остановить:

— Это ничего не даст.

— Почему?

— Ж-1 использует маршруты, которых нет на нашей карте. Посты заблокируют только нас.

— Тогда ограничат её выход в известные части корабля.

— И прекратят возможность контакта.

— Контакт пока существует только в ваших показаниях.

— Поэтому вы хотите сделать его невозможным?

Ибарра вмешался:

— Вооружённые посты внутри объекта не увеличивать. Сохраняем текущий режим до анализа последствий импульса.

Уокер повернулся к экрану.

— Министр, мы уже позволили М-1 покинуть периметр.

— Мы не позволили. Мы не смогли предотвратить.

— Результат одинаков.

— Нет. Разница в том, что сейчас мы знаем: прямое давление не обеспечивает контроль.

Оно лишь создаёт видимость действия.

— А бездействие?

— Вы наблюдаете, фиксируете и не провоцируете систему, назначение которой ещё не установили окончательно.

Орлов поднял бумагу с графиком.

— Назначение почти установлено.

В комнате стало внимательнее.

— Говорите, — приказал Ибарра.

— Контур распределяет энергию по всей структуре корабля и проверяет синхронность опорных узлов. Внутреннему транспорту такая мощность не требуется. Для оружия мы не видим канала отдачи, излучателя или точки приложения. Наиболее вероятное назначение — подготовка корпуса к созданию направленного усилия.

— Взлёт, — сказал Эстебан.

— Да.

Слово больше не было гипотезой, произнесённой между несколькими учёными.

Теперь оно вошло в официальный разбор.

Ибарра спросил:

— Может ли корабль подняться сейчас?

— Нет, — ответил Орлов. — Корпус физически зажат породой. Большая часть поверхности не освобождена. Любая попытка тяги разрушит шахты и окружающий грунт. Система сама блокировала механический выход во время испытания.

— Откуда вы знаете, что блокировала?

— При мощности импульса даже минимальное усилие изменило бы механические отметки. Этого не произошло.

— Значит, угрозы немедленного взлёта нет.

— Немедленного — нет.

Уокер спросил:

— Сколько потребуется, чтобы освободить корпус?

Орлов посмотрел на карту.

— При нынешних ресурсах — годы. При международной инженерной операции, если заранее знать геометрию и допустимые точки нагрузки, — значительно меньше. Но всё равно не дни и не недели.

Марк сказал:

— Значит, женщина не готовит внезапный побег. Она возвращает кораблю функцию, которую можно будет использовать только после человеческих работ.

Лаура почувствовала облегчение и одновременно новую тревогу.

Элиана знала это с самого начала.

Она ремонтировала корабль, рассчитывая, что в какой-то момент люди сами освободят его из земли.

Комиссия завершила разбор без нового решения.

Уокер сохранил текущую охрану. Ибарра запретил приближение военной авиации к раскопу ближе установленной зоны. Орлов получил разрешение установить дополнительные механические датчики, но не вмешиваться в контур.

Лауре приказали оставаться в сопровождении.

Она согласилась без спора.

После совещания Марк догнал её у перехода.

— Ты стала разговаривать как Уокер.

— Это оскорбление?

— Наблюдение.

— Тогда запиши в отчёт.

Он не улыбнулся.

— Ты видела её снова.

Лаура остановилась.

Марк не ждал признания. Он смотрел на неё так, как смотрел на слои породы, когда уже видел закономерность, но ещё не мог доказать.

— Почему ты так решил?

— В первый раз у тебя не было доказательств, но была уверенность. Сейчас ты утверждаешь, что доказательств нет, и избегаешь уверенности. Значит, появилось что-то, что ты защищаешь.

— Или я научилась осторожности.

— Возможно.

Он сделал шаг назад.

— Только не забывай: осторожность нужна не только для защиты контакта. Иногда она нужна для защиты от него.

Марк ушёл.

Лаура осталась у окна перехода.

Снаружи раскоп постепенно возвращался к работе. Прожекторы освещали шахты. Люди проверяли кабели и укрепления. Далеко за периметром продолжали гореть огни журналистских машин.

Под слоями земли корабль лежал неподвижно.

Но теперь неподвижность больше не означала невозможность движения.

Глубоко внутри корпуса Элиана вернулась к третьему кольцу.

На внутреннем интерфейсе появилась новая запись:

ПЕРВИЧНЫЙ КОНТАКТ Ж-1 С ПРОФИЛЕМ Л-1 УСТАНОВЛЕН.

ПРЯМАЯ АГРЕССИЯ ОТСУТСТВУЕТ.

ПЕРЕДАЧА ОГРАНИЧЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ ЗАВЕРШЕНА.

РЕАКЦИЯ СРЕДЫ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Ниже оставались два условия:

ВНЕШНЯЯ ОЦЕНКА М-1 НЕ ЗАВЕРШЕНА.

РЕШЕНИЕ О СОХРАНЕНИИ КОРАБЛЯ НА ПЛАНЕТЕ НЕ ПРИНЯТО.

Элиана открыла модель повреждённого участка.

Испытание подтвердило работу двух восстановленных связей. Последний разрыв сохранился в глубине третьего кольца. Для его замыкания требовалось больше времени, но повторная энергетическая проверка пока не была нужна.

Она начала перестраивать соединение.

По тёмной поверхности прошла новая линия света.

ГОТОВНОСТЬ СИСТЕМЫ ПОДЪЁМА — 69 ПРОЦЕНТОВ.

На верхнем уровне Лаура смотрела на неподвижную карту и вспоминала последние слова Элианы.

Корабль получит возможность остаться или уйти.
До этой встречи люди боялись, что неизвестная система однажды поднимет его из земли.
Теперь Лаура знала другое.
Незнакомка спасала корабль не только от древней поломки.
Она возвращала ему возможность покинуть Землю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ПОД ЗЕМЛЁЙ

В Буэнос-Айресе наступал вечерний час пик.

Даниэль Риос спустился в метро вместе с потоком людей, который втянул его с улицы, провёл через турникеты и разделил у лестниц на несколько направлений. Здесь город выглядел иначе, чем сверху. Не было фасадов, неба, расстояния между кварталами. Только кафель, бетон, металл, рекламные панели и сотни людей, вынужденных на несколько минут принять общие правила движения.

Метро он выбрал не из-за спешки. За последние дни Даниэль ездил на автобусах, такси и пригородном поезде, много ходил пешком. Его интересовал не транспорт сам по себе, а люди внутри ограниченного пространства. На улице можно было уйти от незнакомца, сменить тротуар, закрыть дверь автомобиля. Здесь десятки людей оказывались рядом независимо от желания, и это говорило о них больше, чем разговоры.

Даниэль стоял у края платформы в тёмных очках и следил за прибывающим поездом. Воздушная волна прошла по тоннелю раньше света фар. Люди придвинулись к обозначенной границе, кто-то поднял телефон, кто-то закончил сообщение, не отрывая взгляда от экрана. Пожилой мужчина сделал шаг назад, освобождая место женщине с маленьким ребёнком. Через несколько секунд другой пассажир протиснулся перед ними, чтобы первым войти в вагон.

Оба поступка не вызвали почти никакой реакции.

Для Даниэля это было одним из самых трудных свойств человеческой среды: противоположные решения существовали рядом, иногда в одном человеке, без всякого изменения внешних условий.

Двери открылись, и толпа вошла внутрь.

Даниэль оказался во втором вагоне от головы состава. Свободных мест не было. Он встал возле двери в конце салона и взялся за вертикальный поручень. Напротив сидела женщина лет тридцати пяти. Рядом с ней мальчик держал пластиковую модель самолёта и время от времени поднимал её над коленями, изображая полёт.

Мать дважды просила его не задевать пассажиров. На третий раз мальчик сам опустил игрушку, и Даниэль почему-то это запомнил.

Поезд тронулся. За стеклом исчезла платформа, затем стены тоннеля превратились в сплошную тёмную поверхность, разрезанную редкими лампами технического освещения. В вагоне работал кондиционер, над дверями менялись обозначения маршрута, автоматический голос назвал следующую станцию. Даниэль слушал разговоры.

Двое студентов обсуждали экзамен. Мужчина в деловом костюме объяснял кому-то по телефону, что опоздает на встречу. Девушка возле двери спорила с матерью о цене аренды. Пожилая пара молча держалась за руки.

Несколько пассажиров задерживали на нём второй взгляд — чуть дольше первого. Даниэль уже научился это замечать. Но тёмные очки делали его обычным иностранцем или просто человеком, не желающим смотреть в глаза.

Он предпочитал именно такую степень незаметности.

Через несколько минут поезд покинул очередную станцию и набрал скорость.

Первым был короткий металлический удар под полом, будто крупный предмет попал между элементами ходовой части.

Почти одновременно погасло основное освещение.

Поезд дёрнулся.

Пассажиров бросило вперёд. Несколько человек не удержались на ногах. Сработало экстренное торможение, и визг колёс на несколько секунд заглушил голоса.

Даниэль успел перехватить женщину, стоявшую перед ним. Она ударилась плечом о его грудь, но не упала.

Состав остановился в тоннеле. Включились аварийные светильники — неровные, слабее обычных. На несколько секунд люди замерли, пытаясь понять, закончилась ли опасность.

Затем из-под пола донёсся глухой хлопок.

В задней части вагона появился дым.

Сначала тонкая серая полоса поднялась возле соединения между вагонами. Через несколько секунд она стала плотнее.

— Пожар! — крикнул кто-то.

Одного слова оказалось достаточно.

Люди одновременно двинулись к ближайшим дверям.

Кто-то потянул аварийную рукоятку. Мужчина в костюме начал бить ладонью по стеклу двери, требуя открыть её. Женщина с ребёнком поднялась с места и прижала мальчика к себе. Телефоны вспыхнули десятками экранов.

Из динамика раздался голос машиниста.

— Оставайтесь в вагонах. Тяговое питание отключается. Не открывайте двери самостоятельно. Повторяю: не выходите на пути.

Последние слова почти утонули в криках.

Даниэль не чувствовал страха так, как люди вокруг него. Его тело реагировало на дым и резкое торможение обычным образом: пульс ускорился, дыхание стало глубже, мышцы готовились к нагрузке. Но сознание не переходило в состояние, которое он за последние дни научился узнавать по человеческим лицам.

Паника была не просто страхом — она разрушала порядок принятия решений.

Мужчина у двери снова потянул рычаг.

— Откройте! Здесь дым!

— На путях может оставаться напряжение, — сказал Даниэль.

Мужчина оторвался от рукоятки.

— Ты откуда знаешь?

— Машинист только что это сказал.

— Я не собираюсь здесь сгореть.

Он снова взялся за механизм.

Даниэль не стал удерживать его силой.

— Если дверь откроется в сторону кабельного канала или движущегося состава, вы можете погибнуть раньше, чем дым станет опасным.

Фраза подействовала лучше приказа.

Мужчина отпустил рукоятку, хотя продолжал ругаться.

Дым усиливался.

Он шёл не пламенем, а волнами, втягиваясь в салон через нижнюю часть межвагонного перехода. Запах горелой изоляции стал резким. Несколько пассажиров закрыли рот одеждой.

Молодая женщина возле середины вагона сняла шарф и отдала его пожилому мужчине. Подросток открыл бутылку воды и смочил платок для незнакомой девочки. В то же время кто-то оттолкнул беременную женщину, пытаясь пробраться ближе к передней части состава.

Даниэль видел это не как набор эпизодов, а как систему, в которой не существовало единственной человеческой реакции.

Из соседнего вагона начали стучать в дверь перехода.

Пассажир открыл внутреннюю створку, и часть людей попыталась перейти вперёд. Возникла давка. Салон качнулся от движения десятков тел.

— По одному! — крикнул мужчина с седой бородой. — Не толкайтесь!

Его не слышали.

Даниэль встал у прохода и поднял руку.

— Там тоже люди. Если все войдут одновременно, проход заблокируется.

— Отойди! — закричал кто-то сзади.

— Сначала дети и те, кому трудно дышать.

— Кто тебя назначил?

Вопрос прозвучал зло, но рядом уже женщина подняла маленькую девочку на руки и передала её вперёд. Седой мужчина поддержал пожилого пассажира. Ещё двое начали повторять:

— Дети вперёд. Дайте пройти.

Порядок возник без официальной команды. Даниэль отметил: человек мог сопротивляться правилу, исходившему от власти, и через несколько секунд принять то же правило, если видел в нём непосредственный смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.